

Морская летопись

СТРАСТИ
ПО АДМИРАЛУ
КЕТЛИНСКОМУ

В.В. Шигин

Владимир Виленович Шигин
Страсти по адмиралу Кетлинскому
Серия «Морская летопись»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=17129021
Шигин В.В., Страсти по адмиралу Кетлинскому: Вече; 2014
ISBN 978-5-4444-1769-0

Аннотация

Новая книга известного российского писателя-мариниста, капитана 1-го ранга В. Шигина посвящена событиям Первой мировой войны и 1917–1918 годов на Русском Севере. В центре повествования личность незаурядного флотского офицера контр-адмирала К.Ф. Кетлинского. До настоящего времени имя Кетлинского окружено завесой умолчания. И сегодня историки яростно спорят о роли Кетлинского в событиях 1917 года в Мурманске. Завесой тайны окружена и трагическая смерть контр-адмирала, как и предшествующая ей попытка взрыва крейсера «Аскольд» в Тулоне, имевшая трагические последствия для судьбы героя книги.

Содержание

Глава первая. Шляхтич российского флота	5
Глава вторая. Порт-Артурская страда	10
Глава третья. Помни войну!	18
Глава четвертая. Флаг-капитан командующего	30
Глава пятая. Заговор против Черноморского флота	38
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Владимир Шигин

Страсти по адмиралу Кетлинскому

© Шигин В.В., 2014

© ООО «Издательство «Вече», 2014

© ООО «Издательство «Вече», электронная версия, 2014

* * *

*Моим сыновьям, Петру и Владимиру, с верой во все самое лучшее
посвящаю эту книгу*

Странное дело, но после смерти герой нашего повествования стал объектом столь яростных споров не только среди историков, но и среди литераторов, которые он вряд ли мог себе и представить. Даже сегодня, спустя почти столетие, историки и писатели продолжают ломать копья в нескончаемом споре о том, кем на самом деле был этот человек. Даже писать о нем долгое время было небезопасно, ибо любая попытка непредвзято оценить деятельность этого человека могла обернуться травлей и поломанной судьбой. Впрочем, в последнем его вины уже не было...

Глава первая. Шляхтич российского флота

Кетлинский – фамилия польская. Казимир Филиппович Кетлинский (по-польски она звучит как Китлинский) родился в польском городке Могилев-Подольский в 1875 году. Происходил Кетлинский из мелкопоместных польских шляхтичей. Из его послужного списка известно, что записан он был католиком и что он прекрасно владел французским, английским, немецким и польским языками. Отец нашего героя был провинциальным врачом и практиковал в городке Закопане, что в Татрах, имея небольшой домик с мезонином. Уже когда сын вышел в офицеры, Кетлинский-старший погиб под снежной лавиной по дороге к больному в горную деревушку. Мать, оставшись одна, жила тем, что сдавала пару комнат приезжавшим поправить здоровье в горы больным чахоткой, кормила и ухаживала за ними. Более подробных сведений о предках нашего героя нет. И это при том, что его дочь впоследствии стала известной советской писательницей. Но, увы, времена были таковы, что афишировать свое дворянское происхождение, да еще с древним генеалогическим древом, в ту пору было, мягко скажем, не принято. Известно лишь то, что через свою младшую сестру, Изу, Казимир Кетлинский являлся шурином генерала Мариуса Зарушевского, будущего основоположника польского парусного спорта.

Тот факт, что родители отдали Казимира в Морской корпус, говорит о том, что семья Кетлинских была вполне лояльна к царскому режиму и не страдала польским национализмом и русофобством.

В 1895 году гардемарин Кетлинский заканчивает корпус пятнадцатым по успеваемости из девяноста выпускников и получает мичманский чин. Это характеризует Кетлинского как весьма неглупого и способного к наукам юношу. Приведем лишь тот факт, что Кетлинский прекрасно разговаривал на английском, французском и немецком, не говоря уже о польском языках.

Время выпуска из Морского корпуса Кетлинского было для молодых флотских офицеров на редкость интересным. Каждый год на отечественных стапелях спускались все новые и новые броненосцы и крейсера, наши эскадры бороздили Мировой океан, а совсем недавно Андреевский флаг был поднят даже в далеком, экзотическом Порт-Артуре.

Впрочем, вначале Кетлинскому «не повезло», и он попадает служить на корабли учебно-артиллерийского отряда Балтийского флота. В состав отряда входили весьма устаревшие корабли, которые обычно даже не выходили за пределы Финского залива. Это, конечно же, не могло понравиться молодому амбициозному офицеру. Зато именно на кораблях учебно-артиллерийского отряда отрабатывались все новейшие приемы артиллерийской стрельбы, испытывались новые виды боеприпасов. Именно здесь готовили и высококлассных артиллеристов. Тот факт, что свою службу молодой мичман начал именно с глубокого изучения артиллерийского дела, которое впоследствии не только принесет ему почти всемирную известность, но станет самым любимым делом всей его жизни, говорит о том, что с первым назначением Кетлинскому на самом деле откровенно повезло.

После окончания обучения в учебно-артиллерийском отряде Кетлинский был отправлен для продолжения службы на Черноморский флот. Служил артиллеристом на броненосцах. Вначале на «Чесме», а затем и на «Георгии Победоносце».

Судя по всему, молодой мичман весьма неплохо зарекомендовал себя в первые годы службы, стал неплохим артиллерийским офицером, так как в 1900 году был послан в США в числе наблюдающих за достройкой эскадренного броненосца «Ретвизан» в должности младшего артиллериста. Думается, что это было также большой удачей для мичмана. Флотские офицеры знают, насколько важно для профессионального роста попасть на достраивающийся корабль новейшего проекта, имея время и возможности до деталей изучить все

тонкости устройства корабля под руководством его конструкторов и строителей. С командиром «Ретвизана» капитаном 1-го ранга Щенсновичем (по кличке Идальго) у Кетлинского с самого начала сложились самые добрые отношения. Думаю, что, помимо самого серьезного отношения молодого мичмана к своим обязанностям и его рвения к службе, в этом свою роль сыграло и то, что оба они были поляками.

С 1900 года, к огромной радости всех офицеров флота и, безусловно, весьма небогатого Кетлинского, было повышено денежное содержание офицерского состава. Отныне, по новому положению, мичмана на Балтийском и Черноморском флотах получали от 76 до 106 рублей в месяц, а в заграничном плавании – от 129 до 144. Это были весьма неплохие деньги. Что касается команды «Ретвизана», то хотя сам броненосец еще достраивался, но так как достраивался он в С.А. то команда получала денежное содержание, как находящаяся в заграничном плавании.

В марте 1902 года на «Ретвизане» был поднят Андреевский флаг и корабль начал свою первую кампанию. К этому времени он был уже полностью укомплектован офицерами и командой.

30 апреля броненосец начал переход на Балтику, зайдя для пополнения запасов угля во французский Шербур. А через несколько дней после выхода из Шербура на броненосце произошла трагедия. При попытке развить полный ход в одном из котлов лопнула трубка. Паром обварило шесть человек, трое из которых скончались. Тогда-то в кают-компании броненосца заговорили о том, что происшедшая трагедия – это знак свыше, предостерегающий, что и сама жизнь корабля в российском флоте будет недолгой...

В Кронштадте новый броненосец посетил император Николай Второй, а затем «Ретвизан» перешел в Ревель, где участвовал в грандиозном параде по случаю встречи русского и германского императоров. К этому времени Кетлинский провел в морях положенные для получения следующего чина 40 месяцев и стал лейтенантом.

Почти сразу же по прибытии «Ретвизана» на Балтику Кетлинский по личной просьбе отправляется на краткосрочные артиллерийские офицерские классы при учебно-артиллерийском отряде. На первый взгляд это было странно, ведь он не так давно покинул этот же самый учебно-артиллерийский отряд. Однако логика в поступке Кетлинского была. На новых кораблях в это время активно устанавливали новейшие, достаточно сложные системы централизованного управления стрельбой, а потому крайне необходимы были специалисты, умеющие ими квалифицированно пользоваться. Известно, что в это время артиллерийский офицерский класс из-за перегрузки учебно-артиллерийского отряда стрельбами учеников-комендоров и недостатка штатных офицеров не обеспечивал полной практической подготовки слушателей к управлению стрельбой. Однако определенные теоретические и практические знания и навыки там Кетлинский все же получил.

Помимо профессионального роста, как мне, кажется, поступая на учебу в артиллерийский класс, Кетлинский преследовал еще одну важную для себя цель. В начале XX века, когда революционное брожение в России снова начало усиливаться, одной из головных болей для царского правительства стали Польша и поляки, в среде которых набирали популярность не только революционные, но и националистические взгляды. Присутствовали такие взгляды и в среде офицеров польского происхождения. По этой причине к офицерам-полякам в российской армии и на флоте относились с известной долей недоверия и в своей карьере они порой заметно отставали от других своих сослуживцев. Вне сомнений, что все это было прекрасно известно Кетлинскому. А так как он к тому же не имел и влиятельных родственников, то у молодого лейтенанта оставалась единственная возможность для успешной карьеры – освоить избранную специальность так, чтобы она гарантировала ему полное превосходство над конкурентами, сделав его незаменимым как специалиста. Обратим внимание и на то, что не так-то просто откомандировать на учебу офицера с находящегося в

кампании новейшего корабля, к которому приковано все внимание начальства и на котором все еще продолжается освоение новой техники. Думается, что в поступлении на учебу в артиллерийский класс помог Кетлинскому командир броненосца Щенснович, проявивший при этом «польскую солидарность».

После окончания классов Кетлинский получил квалификацию артиллерийского офицера высшего, 1-го разряда. Теперь он имел право на должность уже не младшего, а старшего артиллерийского офицера корабля 1-го ранга. Разумеется, командир «Ретвизана» Щенснович сделал все возможное, чтобы вернуть грамотного офицера. Возможно, отпуская Кетлинского на учебу, он заранее выдвинул ему условие о возвращении именно на «Ретвизан». Впрочем, вряд ли наш герой мог найти себе место лучше – знакомый до заклепки корабль, знакомая техника, знакомые матросы и друзья-офицеры, благожелательно настроенный командир – служи, не хочу! И Кетлинский возвращается на «Ретвизан», причем уже в положенной ему по статусу должности старшего артиллерийского офицера. Это было серьезным повышением по службе и являлось хорошим заделом для будущей карьеры.

До конца лета на «Ретвизане» продолжались доводка механизмов и установка оборудования, установка радиостанции. Немало забот было и у Кетлинского, который занимался в это время установкой и освоением 75-мм орудий. В сентябре «Ретвизан» провел стрельбы главным калибром и вспомогательной артиллерией. Все артиллерийские системы действовали безукоризненно, да и точность стрельбы вышколенных Кетлинским артиллеристов была неплохой. Довольным стрельбой остался не только Щенснович, но и присутствовавший на стрельбах адмиралитет. Профессиональная деятельность Кетлинского получила первую высокую оценку.

А затем ввиду нарастания напряженности в отношениях с Японией «Ретвизан» вместе с броненосцем «Победа», крейсерами «Богатырь», «Диана» и «Паллада» стали спешно готовить к переходу на Дальний Восток. 21 сентября командующий отрядом контр-адмирал барон Э.А. Штакельберг поднял на «Ретвизане» свой флаг. Спустя несколько дней эскадра взяла курс к дальневосточным берегам. На переходе через три океана «Ретвизан» показал себя с лучшей стороны и прибыл на Дальний Восток без каких-либо повреждений.

По прибытии командующий Тихоокеанской эскадрой вице-адмирал Старк провел на корабле артиллерийские стрельбы, чтобы определить уровень боевой подготовки «Ретвизана». И опять Кетлинский оказался на высоте, поразив все артиллерийские плоты с натянутым на них брезентом.

Признанием заслуг старшего артиллериста «Ретвизана» стало его награждение первым орденом – орденом Святого Станислава 3-й степени в декабре 1903 года. Орден Станислава являлся самым младшим в иерархии российских орденов, его получали практически все офицеры, выслужившие установленный срок службы и не имевшие нареканий от высшего начальства. И все же, думается, своему первому ордену Кетлинский был рад.

Из дневника сослуживца Кетлинского по «Ретвизану», старшего минно-артиллерийского содержателя А.А. Денисова. Взволнованно и раздраженно Денисов описывает, как он вместе с лейтенантом Кетлинским «добивался изготовления приборов для наведения орудий, так как имеющиеся у орудий часто ломаются. А запасных не имеется»: «Несмотря на всю их важность и на то, что «война на носу» наряд на выделку их был дан после переписки, длившейся около месяца, и после двукратных личных просьб у идиота, главного артиллериста подполковника Трофимова, который, не понимая важности вопроса и будучи всецело преданный формализму, твердил одно и то же: «По штату не положено»». Что и говорить, болел за свое артиллерийское дело лейтенант Кетлинский!

Особенно много времени в это время у Кетлинского отнимала отработка системы управления централизованной стрельбой. Дело это было по тем временам новое, однако весьма перспективное, так как сулило настоящую революцию в организации морского боя.

На «Ретвизане» система управления централизованной стрельбы включала в себя дальномер Барра и Струда, микрометры Люжоля, позволявшие достаточно точно определять дистанции по углу к высоте мачт корабля противника. Затем замеренная дистанция должна была поступать в боевую рубку на главный дальномерный циферблат, где уже старший артиллерийский офицер выставлял на специальном циферблате ту осредненную дистанцию, какую он считал правильной. Там же, в боевой рубке, находились и боевой указатель, определяющий курсовой угол цели, и снарядный циферблат, указывающий тип снаряда. Вся эта информация с помощью синхронной электрической связи поступала от старшего артиллериста на принимающие циферблаты в башнях, батареях и погребах. Система централизованного управления стрельбой требовала не только высокой квалификации и офицеров, и матросов, но еще и высокой согласованности в их действиях. К тому же система центрального управления еще только внедрялась, а потому была весьма несовершенной и очень капризной. Часто происходили различные сбои, нередко были и короткие замыкания, которые выводили всю систему из строя. Да и образованность матросов желала много лучшего. Больше половины комендоров не знали десятичных дробей, а потому не могли даже правильно пользоваться таблицами стрельбы. По этой причине забот у старшего артиллериста «Ретвизана» хватало. Надо было быть не только командиром, рационализатором, но и учителем. И здесь Кетлинский показал себя как настоящий новатор. Еще на переходе от Кронштадта в Порт-Артур в свободное от службы время он начал конструировать специальный прибор для обучения комендоров, самих же подчиненных усиленно обучал общей грамоте, и прежде всего математике.

Идея «прибора Кетлинского» (под таким названием он стал известен на кораблях Тихоокеанской эскадры) заключалась в том, что непосредственно перед орудием устанавливался щит, изображающий цель, а к стволу орудия крепились электромагнит и шпилька, делающая укол в щите при замыкании контакта после прицеливания. К сожалению, этот прибор был изготовлен в единственном экземпляре и оказать серьезного влияния на уровень подготовки артиллеристов всей эскадры не мог. И все же на «Ретвизане» стреляли лучше, чем на каком-либо другом корабле эскадры. В этом была несомненная заслуга лейтенанта Кетлинского.

В августе 1903 года эскадра перешла во Владивосток, где все броненосцы прошли докование. Что касается «Ретвизана», то он настолько пришелся по душе Старку, что тот часто держал на нем свой флаг. В конце октября, в целях экономии средств броненосец был выведен в вооруженный резерв.

Между тем внешнеполитическая обстановка на Дальнем Востоке ухудшалась с каждым днем. Япония уже открыто провоцировала вооруженный конфликт с Россией. В этих условиях «Ретвизан» был снова выведен из вооруженного резерва. 19 января 1904 года во время прилива большие корабли вышли на внешний рейд Порт-Артура. Затем эскадра отправилась к полуострову Шантунг, отрабатывая совместное маневрирование, а затем вернулась в Порт-Артур.

Этот выход русской эскадры «в неизвестном направлении» вызвал настоящую панику в Японии. Опасаясь нарушения своих планов начала войны, там решили, не теряя времени, спровоцировать ее самим, не дожидаясь упреждающего хода северного соседа. 22 января последовал разрыв дипломатических отношений с Россией, а на следующий день командующий Соединенным флотом Японии вице-адмирал Того получил приказ о начале боевых действий против России.

Весьма любопытен в дневнике А.А. Денисова разговор между Кетлинским и мичманом С.В. Шереметевым с крейсера «Паллада». Офицеры всего за несколько часов до нападения японцев на Порт-Артур шли на катере на стоявшие на внешнем рейде корабли. Все обсуждали новость – срыв русско-японских переговоров и отзыв японского посла из Петербурга. По воспоминаниям Денисова, Кетлинский сказал буквально следующее:

«Япония во что бы то ни стало желает войны и начнет ее теперь немедленно, а отозвание посланника нужно понимать как объявление войны, и других объявлений было бы ожидать глупо. Ну, рассудите, неужели японцы настолько рыцарски вежливы, что придут к нам на рейд и пришлют объявление – вот-де мы вызываем вас, господу русские, на бой – давайте драться! (все бывшие на катере засмеялись). Нет, – продолжал Кетлинский, – ждать еще каких-то объявлений было бы преступно глупо, теперь нам немедленно нужно напасть на их флот или же ждать начала войны со стороны японцев, но ждать в полной боевой готовности и со всевозможными предосторожностями...»

Мичман Шереметев, по словам Кетлинской, считал, что японцы без предварительного объявления войны напасть не решатся. При этом он сообщил, что наместник все же приказал сегодня ночью выйти в море двум крейсерам «Палладе» и «Диане».

«– Ага, следовательно, наконец, и наши правители начинают сознавать серьезность положения, – отвечал Кетлинский, – Ну, а в отношении сетевого ограждения ничего не слышно, сегодня не придется его ставить?»

– Нет, сети ставить наместник запретил, потому что этим мы покажем японцам, что мы их боимся...»

Крейсера, как известно, в дозор так и не были посланы. Последствия этого были роковыми...

Глава вторая. Порт-Артурская страда

Первый удар был нанесен японскими эсминцами в ночь на 27 января. Несмотря на разрыв дипотношений, на нашей эскадре не были предприняты даже элементарные предосторожности: корабли стояли на внешнем рейде, часть из них была освещена, а противоторпедные сети выставлены не были... В таких условиях успех японцев был скромным – они лишь повредили торпедами броненосцы «Цесаревич», «Ретвизан» и крейсер «Паллада». Наши корабли открыли ответный огонь, чем сорвали все последующие атаки.

На «Ретвизане» приближающиеся японские миноносцы в свете прожектора обнаружил вахтенный начальник, лейтенант Развозов, который и подал сигнал «отражение минной атаки». Однако головной японский эсминец «Сиракумо» уже выпустил торпеду, которая поразила броненосец. Удар пришелся в носовую часть левого борта. Вода моментально затопила помещение подводных торпедных аппаратов. Из находившихся там шести человек спастись удалось лишь одному. Во внутренних помещениях «Ретвизана» погас свет, вода продолжала заливать носовые отсеки, из-за чего броненосец оседал носом и кренился на левый борт.

Командир «Ретвизана», разбуженный взрывом, выбежал наверх уже в разгар боя. На броненосце пробили водяную тревогу. И тогда, не дожидаясь приказа, лейтенант Кетлинский на свой страх и риск приказал затопить патронные погреба правого борта, что оказалось весьма своевременной мерой, предотвратило возможную детонацию боезапаса и помогло уменьшить крен. В своем докладе по итогам этого первого боя Щенснович признал действия Кетлинского не только весьма своевременными, но и единственно верными.

Из дневника старшего минно-артиллерийского держателя А.А. Денисова об атаке «Ретвизана»: «Господа офицеры отличались от матросов еще большим испугом и растерянностью и были похожи больше на барышень в мундирах, чем на мужчин... Но не могу сказать, что все они были негодяи и бездарные трусы, были действительно исключения... Крен в это время достигал 10 градусов, и на палубе стоять было невозможно. Вода достигла до открытых пушечных портов левого борта и готовилась хлынуть в них, после чего наша гибель была бы неизбежна. Но в это время лейтенант Кетлинский совместно со старшим комендором Спрудисом уже принимали меры предотвращения этой опасности путем затопления патронных погребов правого борта».

Из послужного списка К.Ф. Кетлинского: «Награжден золотой саблей с надписью «За храбрость» за проявление особого мужества во время внезапной минной атаки на эскадру Тихого океана 26 и в бою 27 января 1904 г.».

Когда неприятельские миноносцы были отогнаны, поврежденный «Ретвизан» двинулся на внутренний рейд. Однако пройти по фарватеру не удалось: полузатопленный корабль плохо слушался руля. В результате рыскания броненосец сел носом на мель на входе в гавань, застряв прямо поперек фарватера.

Утром 27 января у Порт-Артура появились уже главные силы японского флота. Наша эскадра немедленно снялась с якорей и вышла навстречу противнику, несмотря на серьезный перевес того в силах. Японцы, не приняв боя, ушли. Сидевший на мели «Ретвизан» почти не участвовал в этом бою, сделав всего два выстрела.

Сразу снять броненосец с мели не удалось, и он некоторое время защищал рейд в качестве своеобразного плавучего форта. От возможных повторных торпедных атак корабль прикрыли противоминными сетями.

В ночь на 1 февраля, пользуясь сильным снегопадом, японские миноносцы попытались произвести разведку рейда, но были отогнаны точным огнем «Ретвизана».

В ночь с 10 на 11 февраля японцы попытались перегородить выход из порт-артурской гавани с помощью брандеров, поддерживаемых эсминцами. Японский эсминец «Кагеро» атаковал неподвижный «Ретвизан», но был отогнан огнем с броненосца и промахнулся торпедой. Затем были успешно отогнаны еще три атакующих эсминца. В это время появились и японские брандеры. Три из них были уничтожены береговыми батареями. Однако два провалились и устремились прямо на «Ретвизан», намереваясь его таранить. Оба были тут же расстреляны Кетлинским и выбросились на прибрежные камни, так и не выполнив своей миссии.

За этот бой, предотвративший закупорку эскадры в Порт-Артуре, капитан 1-го ранга Щенснович получил орден Георгия 4-й степени, а лейтенант Кетлинский – золотую саблю с надписью «За храбрость». Формулировка при награждении была следующая: «За успешное отражение неприятельских миноносцев и потопление пароходов-брандеров в ночь на 11-е февраля сего года, имевших целью взорвать броненосец «Ретвизан»».

Затем было прибытие в Порт-Артур вице-адмирала Макарова. Казалось, все еще может наладиться.

* * *

В качестве плавбатареи на входе в гавань «Ретвизан» прослужил целый месяц, пока его наконец не отбуксировали на ремонт в Порт-Артур.

9 марта японцы предприняли попытку перекидного обстрела гавани через горный мыс Ляотешань. Ответный огонь по врагу незамедлительно открыли броненосцы «Победа» и «Ретвизан», причем стреляли по невидимой цели. Тогда это было ново. Стрельба Кетлинского была просто изумительной. Уже третий и четвертый залпы «Ретвизана» взяли японский броненосец «Фудзи» в вилку, а после разрыва 305-мм снаряда в нескольких метрах от борта японцы предпочли за лучшее ретироваться. Батарея 152-мм орудий броненосца по предложению Кетлинского огня не открывала, чтобы раньше времени не отогнать врага от минного заграждения.

За это Кетлинского лично отметил вице-адмирал Макаров, написавший в приказе по эскадре: «Стрельба наша была настолько меткой, что снаряды ложились близ неприятельских судов, а один из них попал в «Фудзи», что и заставило неприятеля прекратить бомбардировку».

Историк Ю.В. Грибовский в статье «Катастрофа 31 марта 1904 года (гибель броненосца «Петропавловск»)» так писал об этом эпизоде обороны Порт-Артурской гавани: «Безнаказанная бомбардировка японцев вызвала энергичные ответные меры нового командующего флотом. Они выразились в усилении обороны Порт-Артурской гавани с морского направления затоплением пароходов для защиты выходного фарватера, установкой новых береговых батарей, организацией траления и так называемой «перекидной» стрельбы с броненосцев, находящихся на внутреннем рейде. В последнем случае проявилось присущее Макарову умение прислушиваться к мнению подчиненных и использовать их творческие предложения. Инициаторами «перекидной» стрельбы, позволявшей результативно отвечать на бомбардировку японского флота, выступили старший артиллерист «Ретвизана», лейтенант К.Ф. Кетлинский и командир этого броненосца капитан 1-го ранга Э.Н. Щенснович. Обдумав и утвердив их идеи, адмирал предоставил исполнителям «зеленую улицу» в решении технических и организационных вопросов стрельбы. Уже 7 марта он специальным приказом установил порядок действий на случай появления противника. По сигналу «...принять бой на якоре» японской бомбардировке должны были ответить броненосцы с наиболее дальнобойной артиллерией, «Пересвет» и «Победа», а также «Ретвизан», на который возлагалось управление стрельбой. 9 марта во время второй бомбардировки Порт-Артурской гавани японские броненосцы «Фудзи» и

«Ясима» сами попали под огонь «Ретвизана» и «Победы». После накрытия одним из залпов (всего русские выпустили 29 снарядов) противник поспешил прекратить бомбардировку и отойти».

Заметим, что Кетлинский несколько раз упоминается в знаменитом романе А. Степанова «Порт-Артур», причем упоминается исключительно положительно.

31 марта при выходе на рейд флагманский броненосец «Петропавловск» подорвался на минной банке и затонул. При этом погибли вице-адмирал Макаров и большинство офицеров его штаба. В числе других на «Петропавловске» погиб и флагманский артиллерийский офицер эскадры капитан 2-го ранга А.К. Мякишев. На эскадре воцарилось всеобщее уныние.

Прибывший в Порт-Артур после гибели Макарова наместник адмирал Алексеев первым делом сформировал новый штаб эскадры. Оценив несколько кандидатов на должность флагманского артиллериста, он остановился на лейтенанте Кетлинском как на специалисте, наиболее соответствующем столь ответственной должности. На этом для Кетлинского закончилась его служба на «Ретвизане» и началась служба в должности флагманского артиллериста морского походного штаба наместника на Дальнем Востоке. Разумеется, что такое повышение для молодого лейтенанта было весьма лестным, однако и ответственность возлагалась огромная. Одно дело – руководить артиллерией одного корабля, и совсем иное – целой эскадры, да еще сразу в боевых условиях, когда не может быть права на ошибку. В это время Кетлинский знакомится и с флаг-капитаном наместника капитаном 1-го ранга Эбергардом. Знакомство это сыграет впоследствии огромное значение в жизни нашего героя, определив окончательный вектор его судьбы.

Наиболее дружеские отношения в этот период сложились у Кетлинского со средним из братьев Черкасовых – Василем. Тот служил старшим артиллеристом на броненосце «Пересвет» и был у Кетлинского, что называется, «правой рукой». Старший из братьев, Анатолий, совсем недавно погиб в Кронштадте при испытаниях подводной лодки «Дельфин», а младший, Петр, служил там же в Порт-Артуре на миноносце «Властный».

Вскоре японцы начали высадку десанта буквально в сотне километров от Порт-Артура. Наместник Алексеев немедленно выехал в Мукден, поручив эскадру до прибытия ее нового командующего, вице-адмирала Скрыдлова начальнику своего походного штаба контр-адмиралу Витгефту. Назначенного новым начальником штаба наместника Эбергарда Алексеев забрал с собой. Что касается Витгефта, то при вступлении в должность он многозначительно сказал своим штабным офицерам: «Жду от вас, господа, не только содействия, но и совета. Я – не флотоводец...»

А обстановка у Порт-Артура быстро менялась в худшую сторону. Всего в 60 милях от главной базы флота шла ускоренная высадка противника. Все ждали атаки десантных сил.

Однако контр-адмирал Витгефт, поднявший свой флаг на броненосце «Севастополь», вместо того чтобы хоть как-то противодействовать японскому десанту, созвал совещание флагманов в командиров кораблей и вместо плана ожидавшейся атаки предложил собравшимся обсудить... план разоружения эскадры с целью усиления сухопутной обороны крепости.

Участвовал Кетлинский и на совместном совещании с сухопутным командованием, где было решено флоту всеми силами содействовать сухопутной обороне Порт-Артура, оставив на броненосцах лишь 305- и 254-мм пушки для «перекидной» стрельбы, а остальные снять вместе с личным составом на береговые батареи.

Всего Кетлинскому было приказано снять с кораблей 12 152-мм и 22 75-мм орудий. Но это было только начало... Уже через три дня адмирал Витгефт телеграммой доложил наместнику, что на сухопутные батареи флотом передано и устанавливается 20 152-мм и 34 75-мм орудий. Корабли разоружались с невероятной быстротой.

Адмирал Витгефт, будучи опытным штабным работником, не мог не понимать, что только полное и безраздельное господство над морем японского флота делало возможным какие-либо активные действия японских экспедиционных армий в Маньчжурии и на Квантуне. Не мог он не понимать и то, что его действия, обрекая эскадру на бездействие, самым катастрофическим образом сказываются на ее боеготовности. Снятие орудий с кораблей подействовало на матросов и офицеров угнетающе. Думается, что Кетлинский да и другие флагманские специалисты не раз говорили об этом командующему, но, увы, безрезультатно.

Тем временем Кетлинский вместе с артиллерийским инженером, полковником Шульцем догадались наведаться в береговой флотский арсенал, где, к своему удивлению, обнаружили вполне пригодные 210-мм и 120-мм орудия, которые после небольшого ремонта и были установлены на береговых батареях. В обмен на это Кетлинскому удалось вернуть с фортов часть 152-мм орудий на броненосцы.

1 мая минный заградитель «Амур» под командованием капитана 2-го ранга Иванова скрытно поставил на пути движения японской эскадры минное заграждение, на котором на следующий день подорвались и затонули сразу два японский броненосца, «Хацусе» и «Яшима».

Известие о подрыве на минном заграждении сразу двух японских броненосцев вызвало на эскадре небывалый боевой порыв. И матросами, и офицерами овладело мгновенное и иступленное желание выйти на рейд и вступить в бой с неприятелем. «На рейд! На рейд! Раскатать остальных! – кричали и бесновались кругом, вспоминал очевидец. – Как я верил тогда, так верю и теперь – их бы «раскатали!»»

Но Витгефт ограничился высылкой в море лишь двух отрядов миноносцев, которые были легко отогнаны огнем японских крейсеров.

К середине мая обстановка под Порт-Артуром резко осложнилась. Японская армия вышла на подступы к крепости. Возник вопрос о задачах флота в условиях осады. К этому времени поврежденные броненосцы были уже почти отремонтированы.

Ранним утром 10 июня наша эскадра вышла из гавани Порт-Артура. Но надежда командующего заставить противника врасплох не сбылась. Японский командующий адмирал Того успел стянуть к Порт-Артуру все возможные силы. И хотя преимущество японцев было минимальным – четыре броненосца и четыре броненосных крейсера против шести русских броненосцев и одного броненосного крейсера, – в момент, когда эскадры уже сблизились и готовы были открыть огонь, Витгефт приказал повернуть обратно. Адмирал Того тоже счел за лучшее не преследовать противника и отвернул в открытое море.

* * *

Изменившаяся ситуация заставила командующего эскадрой созвать в этот день совещание. Из трех поставленных на обсуждение вариантов действия эскадры – прорыв во Владивосток, поиск японского флота и решительное с ним сражение, содействие всеми имеющимися силами сухопутной обороне – был избран последний. Большинство голосов признавалось, что флот является одним «из главных факторов защиты» крепости, а потому должен принять в ней «самое активное участие». Прорываться же во Владивосток и вступить в бой с противником, не считаясь с его численностью, надо лишь в крайнем случае, «когда наступит необходимый момент». На непременно выходе флота настаивал лишь командир броненосца «Севастополь» капитан 1-го ранга Н.О. Эссен.

15 мая по праву старшего соплавателя к В.К. Витгефту обратился старший офицер крейсера «Диана» В.И. Семенов. В своей записке он, хотя и оправдывал передачу корабельных пушек для усиления сухопутной обороны, провидчески указывал на неизбежность гибели флота, если он свяжет свою судьбу с судьбой осажденной крепости.

Другую записку (для обсуждения на совещании 20 мая) подготовил флагманский штурман лейтенант Н.Н. Азарьев. В своей записке он высказывался за прорыв во Владивосток.

В.К. Витгефт этой записки на совещании не огласил, но на новом совещании высших чинов флота 23 мая Н.О. Эссен в своем, оказавшемся единственным особом мнении снова подчеркнул, что «события не ждут, терять драгоценное время не следует». Вопреки общему решению выходить по готовности всех кораблей он считал, что «выходить надо немедленно». «Полагаю, что даже выход неполной нашей эскадры повлияет на ход событий и задержит движение японской армии». Подводя итоги прошедших совещаний, флагманский артиллерист эскадры лейтенант К.Ф. Кетлинский в записке на имя командующего от 31 мая 1904 года призывал отрешиться от всех частных задач, покончить с пренебрежительным отношением к японцам, признав в них серьезного и умелого противника, и сосредоточить все усилия на глобальной задаче овладения морем. Для этого надо «собраться с силами», «вооружить полностью все боевые суда» и, насколько позволит время, подготовиться к предстоящим вскоре действиям. Так, на заканчивающей ремонт «Побед» из всей артиллерии (не считая башенных орудий) осталось лишь пять 75-мм. Две 6" (" – знак, обозначающий дюймы) пушки можно вернуть с батареи литера Б, установить еще 8 6", 15 75-мм и 10 47-мм. Всего на корабле эскадры требовалось вернуть 18 6", 31 75-мм и 20 47-мм пушек.

При этом К.Ф. Кетлинский напомнил о том, «как скоро забывается то, чему учились... Конечно, создать эскадру в неделю нельзя, но пока приводится в порядок материальная часть, многое можно сделать вчерне». Записка содержала и перечень орудий, которыми можно пополнить вооружение кораблей, и сопоставление сил, которое при бое на отступление даже при наиболее полном составе японского флота, который принимал Витгефт (4 броненосца, 6 броненосных крейсеров, 5 крейсеров 2-го класса), обеспечивало их практическое равенство: по 10 12" и 10" пушек; 45 японских и 42 русские пушки калибра 6" и 8". Флагманский артиллерист отмечал, что при удачном выборе курса за нашей эскадрой будет большое преимущество в удобствах стрельбы и совсем устранена минная опасность. «В бой надо идти, но только с такими силами, чтобы это был бой, а не бойня; чтобы на каждое погибшее судно приходилось бы не менее одного японского». В конце записки он делал единственно правильный вывод: «Мы сделали все для Артура, что могли, что должны были сделать, а теперь, когда исправление судов близится к окончанию, мы должны взяться за выполнение главной задачи флота и приложить все усилия, чтобы добиться в этом успеха».

Тем временем японская осадная армия подошла к Порт-Артуру и началась непосредственная осада крепости. Утром 25 июля совершенно неожиданно по эскадре открыла огонь уже японская осадная артиллерия. Первой дуэль с японскими батареями начала «Победа», затем к ней присоединились «Пересвет» и «Ретвизан». В результате несколько орудий противника было подавлено. Однако ответным огнем японцев был накрыт флагманский «Цесаревич» и ранен сам Витгефт.

В тот же день пришел приказ адмирала Алексеева незамедлительно прорываться во Владивосток.

Утром следующего дня адмирал Витгефт собрал флагманов, командиров кораблей и штаб, сообщив, что в ближайшие дни эскадра, согласно высочайшего повеления, эскадра выйдет в море с целью прорыва во Владивосток.

* * *

Утром 28 июля 1904 года Тихоокеанская эскадра вышла на внешней рейд. Свой флаг контр-адмирал Витгефт держал на головном броненосце «Цесаревиче». Там же находился и

его штаб. Там же был, разумеется, и Кетлинский. В 9.00 на флагманском «Цесаревиче» был поднят сигнал: «Флот извещается, что Государь Император повелел идти во Владивосток».

Вскоре к востоку от русской эскадры показались главные силы противника во главе с флагманским броненосцем «Миказа». Преимущество было целиком на стороне японцев, но исход боя должен был решить поединок главных сил, где силы противников были почти равны.

Первым в 12.20 открыл огонь по «Цесаревичу» японский броненосный крейсер «Ниссин», через несколько минут ему ответил «Пересвет». Так начался бой, который вошел в историю как бой в Желтом море.

Первое время, довольно удачно уклоняясь от маневров японского флота, Витгефт упорно держал курс в Корейский пролив. Наши корабли успешно стреляли, поражая противника. В ответ им тоже доставалось. Так, головной «Цесаревич» получил попадания шести крупнокалиберных снарядов, но ни один из них не пробил брони. Получил некоторые повреждения и «Ретвизан».

В конце концов контр-адмирал Витгефт блестяще переиграл Того в маневре, обеспечив своей эскадре наивыгоднейшие условия стрельбы и открытый путь во Владивосток. Японские броненосцы получили тяжелые повреждения. Но, выйдя из боя и уклонившись вправо, адмирал Того затем поспешил вдогонку уходившей русской эскадре, постепенно ее нагоняя.

К этому времени контр-адмирал Витгефт, убедившись, что концевой броненосец «Полтава» не в состоянии держать установленный 15-узловой ход и что от противника ему не уйти, осознал, что вскоре предстоит новый бой. Собрав на мостике флагманского «Цесаревича» свой штаб, Витгефт поставил перед ним вопрос о возможных вариантах действий эскадры в сложившихся условиях. Большинство офицеров отмолчалось. Тогда слово взял лейтенант Кетлинский. Его предложение было вполне разумным и грамотным. Учитывая выгодное расположение артиллерии на русских броненосцах, позволявшее вести сильный кормовой огонь, и то, что противник находился в роли догоняющего, Кетлинский предложил принять бой на отходе в строю фронта, переведя противника за корму, для чего эскадре надлежало выполнить два поворота на восемь румбов: первый вправо «последовательно» и второй – влево «все вдруг». При этом русская эскадра получала значительное превосходство в артиллерии, которого она была лишена, ведя бой на параллельных курсах. Как знать, прими тогда Витгефт предложение Кетлинского, и судьба эскадры, а вместе с ней и судьба всей Русско-японской войны могла сложиться совершенно иначе. Но, выслушав своего флагманского артиллериста, Витгефт его предложение отклонил. Командующий желал иного – затянуть начало нового боя до близкой уже темноты, а ночью уже окончательно оторваться от японцев. О том, кто из двоих прав, контр-адмирал или лейтенант, историки спорят до сегодняшнего дня.

Далее события развивались следующим образом. Адмирал Того настиг нашу эскадру к 16 часам, сблизившись с концевой «Полтавой». Около 17 часов «Цесаревич» попал под плотный огонь, получая одно за другим попадания крупнокалиберных снарядов. Адмирал Витгефт, желая сбить пристрелку противника, увеличил ход и отвернул вправо. В это время, видя, что японцы вот-вот накроют броненосец, Кетлинский предложил Витгефту перейти в боевую рубку или хотя бы на верхний мостик, куда меньше залетали осколки. Сославшись на то, что в боевой рубке и без него тесно, Витгефт отказался, заявив, что ему «все равно, где помирать».

Примерно, через 5—10 минут после того, как японцы пристрелялись к «Цесаревичу», взрыв 305-мм снаряда, попавшего в фок-мачту, буквально смел с мостика штаб командующего эскадрой. Тело самого контр-адмирала Витгефта было практически уничтожено взрывом. Осколками снаряда и кусками мачты были убиты: флагманский штурман лейтенант Азарьев, флаг-офицер мичман Эллис, три матроса, ранены флаг-офицеры – лейтенант Кед-

ров, мичман Кушинников. По роковой случайности был ранен и начальник штаба контр-адмирал Матусевич, к которому должно было перейти командование. В момент взрыва он спускался с верхнего мостика с докладом командующему.

Получив сообщение о гибели командующего и ранении начальника штаба, командир «Цесаревича», капитан 1-го ранга Иванов решил «вести бой дальше сам и во избежание могущего быть расстройтва» не сообщать эскадре о гибели адмирала.

Но капитан 1-го ранга Иванов не мог, разумеется, заменить командующего, и единственное, что ему оставалось делать, – следовать прежним курсом. Японцы тем временем продолжали нагонять нашу эскадру, неся при этом от нашего огня также большие потери. Так, когда очередной наш снаряд поразил «Миказу», адмирал Того лишь чудом остался жив. Не меньшие потери несли и наши.

Вскоре противники снова сблизились на дистанцию наиболее эффективного артиллерийского огня. Сражение достигло своей кульминационной точки. Ни одна из сторон все еще не могла получить перевес.

...Солнце уже клонилось к горизонту, и его лучи хорошо освещали русскую эскадру. Ничего похожего на расстройство ее боевого порядка или на тяжелые повреждения кораблей заметно не было. Наши корабли по-прежнему продолжали отвечать огнем на огонь и упорно следовать своим курсом. Было очевидно, что дальнейшее продолжение сражения уже теряло какую-либо перспективу для адмирала Того. Ему пора было выходить из боя...

И тут в ход сражения еще раз вмешался его величество случай. Ход всех дальнейших действий на море, а может и всей войны в целом определило попадание лишь одного снаряда!

В 17.45 в просвет боевой рубки «Цесаревича» ворвался вихрь осколков снаряда крупного калибра, взрыв которого и решил исход боя. Все находившиеся в этот момент в боевой рубке были убиты или ранены. Погибли старший штурманский офицер Драгичевич-Никшич, рулевой старшина, несколько нижних чинов, получили тяжелые ранения и потеряли сознание командир корабля 1-го ранга Иванов, флагманский артиллерийский офицер лейтенант Ненюков, старший минный офицер лейтенант Пилкин, флагманский артиллерийский офицер Кетлинский и все нижние чины, находившиеся на своих постах. Осколками снаряда был поврежден рулевой привод, а так как за несколько минут до попадания руль был положен немного вправо для удержания корабля на курсе, то броненосец начал описывать циркуляцию.

Все, произошедшее дальше, уже не раз уже описано историками. Потеря флагманским кораблем управления вызвала полный хаос среди наших кораблей. Общее управление было нарушено. Младший флагман контр-адмирал Ухтомский и командиры броненосцев не поняли друг друга, в результате чего эскадра распалась. Большая часть кораблей повернула обратно в Порт-Артур, меньшая направилась в нейтральные порты. На прорыв пошел лишь крейсер «Новик», да и тот смог дойти лишь до южной оконечности Сахалина.

Тем временем оставшиеся в живых офицеры «Цесаревича» собрались на совещание. Писатель А.Н. Степанов в своем знаменитом романе «Порт-Артур» так описал его: «Налетевший туман скрыл броненосец от вражеских взглядов. «Цесаревич» остался один. На норд-осте, в направлении уходящей эскадры, слышалась учащенная стрельба легкой артиллерии. Было видно, что японские миноносцы продолжали преследовать ее.

В наступившей темноте броненосец некоторое время двигался по неизвестному курсу – все компасы на нем были испорчены. Пользуясь временным затишьем, Шумов собрал на мостик старших специалистов корабля, которые все были ранены, и начал советоваться с ними о дальнейшем. При свете ручного электрического фонарика по карте приблизительно определили местонахождение корабля: почти в ста милях к юго-востоку от Артура.

Первым высказал свое мнение флагманский артиллерист лейтенант Кетлинский:

– Я полагаю, что при наличных повреждениях нам до Владивостока не добраться и необходимо вернуться в Артур.

– Сейчас попасть туда еще труднее, чем во Владивосток, так как на подступах к нему нас ожидают десятки японских миноносцев, от которых мы не сможем ни уйти, ни отбиться, – возразил минный офицер лейтенант Пилкин.

– Остается одно – пробираться в нейтральный порт, там починиться, насколько возможно, и затем идти во Владивосток, – решил Шумов.

В наступивших сумерках «Цесаревич» повернул в нейтральный китайский порт Циндао, куда вскоре и пришел. Там броненосец был интернирован до конца войны. Вместе с командой броненосца был интернирован и раненый лейтенант Кетлинский.

Из послужного списка К.Ф. Кетлинского: «Участвовал в сражениях 26 и 27 января, 10 11 и 26 февраля 1904 года, 9 марта, 2 апреля 1904 года, обстреливаниях с моря японских позиций в мае, июне и июле 1904 года, выходе и тралении японских мин 10 июня, в морском бою 28 июня 1904 года, контужен был 26 февраля 1904 года и получил ожоги, 16 мелких ран в бою 28 июля 1904 года».

Там, в Циндао Кетлинский получил горестные известия о падении Порт-Артура и о цусимском погроме, о кровопролитном Мукденском сражении и о революционной смуте в России... К маю 1905 года на «Цесаревиче» из прежнего состава офицеров (люди убывали на лечение после ранений, в отпуск, в командировки, на другие корабли) оставались лишь один представитель штаба, флагманский артиллерист К.Ф. Кетлинский и 12 строевых офицеров. Тот факт, что Кетлинский не воспользовался ранением для того, чтобы бросить корабль и укатить в Россию, делает ему честь. Далеко не все из офицеров остались до конца со своими матросами, особенно штабные. Только после окончания войны лейтенант Кетлинский смог вернуться в Россию.

Глава третья. Помни войну!

По возвращении из Циндао в Россию Кетлинский прибыл в Петербург. Сразу же после возвращения из Китая он женится. Избранницей храброго лейтенанта стала 22-летняя милая девушка Ольга, дочь флотского офицера, перешедшего на гражданские суда, выпускница бестужевских курсов, романтическая и увлеченная литературой.

Помимо всего прочего, Ольга Леонидовна прекрасно играла на рояле и очень хорошо пела. К занятиям музыкой она относилась очень серьезно и являлась любимой ученицей знаменитого композитора Скрябина. А написанная ей опера «Разбойники» вызвала настоящую сенсацию. Знакомы они были еще до отъезда Кетлинского на Дальний Восток и теперь, после его возвращения, наконец решили связать свои судьбы.

С новыми назначениями на флоте, который только что потерял большую часть корабельного состава, в то время было очень плохо, но для такого высококлассного артиллериста, да еще со столь уникальным боевым опытом, как Кетлинский, должность, разумеется, нашлась. Известного артиллериста пригласил к себе командир Отдельного практического отряда Черного моря контр-адмирал Цывинский. В решении Цывинского иметь старшим артиллеристом вверенного ему отряда своего земляка можно усмотреть элемент землячества. Возможно, что в какой-то мере все так и обстояло. Ранее, как мы знаем, поляка Кетлинского поддерживал его земляк Щенснович, теперь от него эстафета перешла к Цывинскому. Учитывая дружеские отношения между Щенсновичем и Цывинским, я не исключаю, что именно с подачи Щенсновича Кетлинский и попал на Черноморский флот. Однако все же выбор Цывинского был продиктован не только желанием иметь в подчинении земляка-поляка. На тот момент командира Практического артиллерийского отряда Черноморского флота занимали совсем иные мысли. А потому и Кетлинского он пригласил не просто так.

Дело в том, что Порт-Артур и Цусима выявили такую серьезную проблему для военно-морского флота, как организация централизованного огня на больших дистанциях. Без решения данной проблемы само дальнейшее развитие флота, как мощнейшего объединения артиллерийских кораблей представляется достаточно смутно.

Так называемые артиллерийские опыты, призванные внести ясность в суть централизованной стрельбы, частично реализованной адмиралом Того в Цусимском сражении и не освоенной нами, сразу по завершении Русско-японской войны были поручены видному специалисту контр-адмиралу Цывинскому. Помимо всего прочего, для занятий этим вопросом у Цывинского была и своя личная причина. В Цусимском сражении на броненосце «Бородино» именно от централизованного организованного огня японских броненосцев погиб его старший сын, мичман Евгений Цывинский. Поэтому решение данного вопроса стало для убитого горем отца-адмирала вопросом его долга перед памятью о сыне. Первые шаги по изучению данной проблемы Цывинский начал на Балтике, а затем осенью 1906 года поднял флаг над эскадрой Черноморского флота, скандально известной до этого исключительно своими «революционными подвигами».

Русский флагман справился с задачей уже в 1907 году. До него в мировых флотах господствовали представления о дистанциях решительного морского боя линейных кораблей в пределах не более 42–46 кабельтовых – для больших не существовало даже стрельбовых таблиц. Цывинский же научил свою эскадру стрелять, начиная с 107–112 кабельтовых, эффективно, за 3–4 минуты проводя пристрелку и в течение последующих 5–7 минут выполняя огневую задачу полностью. При этом эскадра маневрировала на самом полном ходу.

Иностранные военно-морские агенты (атташе), впервые увидевшие достижения Цывинского, от изумления потеряли дар речи: им было невдомек, как русские осуществ-

ляют пристрелку на такой дистанции, ведь старший артиллерийский офицер, управляющий стрельбой, не видит всплесков пристрелочных выстрелов. Иностранцам вежливо объяснили, что на марсе располагается артиллерийский пост. Оттуда специально обученный офицер-артиллерист руководит пристрелкой. Артиллерийская репутация русского флота после этого необыкновенно выросла, а «дредноутизация» получила артиллерийскую завершенность; морская артиллерия и сам тип линкора – дальнейшее бурное развитие; в результате основные боевые столкновения с участием ЛК и ЛКР в период Первой мировой войны проходили на дистанциях, близких к предельным (естественно, когда позволяли условия видимости).

Историк флота Р.М. Мельников пишет: «...В 1906–1908 годах настало время действительного, проверенного опытом овладения высшим искусством морского боя. Это произошло благодаря школе новой тактики, которую в русском флоте суждено было развернуть контр-адмиралу Г.Ф. Цывинскому. Флагман, не участвовавший в войне, не проявлявший ранее заметных артиллерийских инициатив и окончивший даже не артиллерийский, а только минный офицерский класс, волею судьбы стал таким же учителем флота, каким в свое время был адмирал Г.И. Бутаков. Созданную этим адмиралом в 1860 году школу маневрирования Г.Ф. Цывинский гармонично дополнил слившейся с ней воедино школой артиллерийского искусства. Отработку новых методов стрельбы Г.Ф. Цывинский начал еще на Балтике, но имевшиеся в его распоряжении современные корабли – «Цесаревич» и «Слава» – передали в гардемаринский отряд. Таким образом, из трех новых броненосцев, имевшихся в составе флота, два балтийских стали школой плаваний для молодого поколения, а черноморский – «Пантелеймон» – должен был разработать современную школу артиллерийского искусства. Кроме «Пантелеймона» в Практическую эскадру Черного моря входило еще три эскадренных броненосца: «Три Святителя», «Ростислав» и «Синоп».

1 октября 1906 года Практическую эскадру переименовали в отдельный практический отряд Черного моря. Этот отряд и принял под свое начало прибывший с Балтики контр-адмирал Цывинский. Вместе с ним прибыл в Севастополь и старший артиллерист лейтенант Кетлинский.

Думаю, что этому выбору Цывинского способствовало прежде всего два фактора. Во-первых, именно Кетлинский, как бывший флагманский артиллерист Порт-Артурской эскадры, обладал бесценным боевым опытом в организации артиллерийской стрельбы как в морском бою, так и в ведении огня по береговым целям. Кому, как не ему, стать флагманским артиллеристом в отряде кораблей, на котором предстояло изучить и отработать новые подходы к организации централизованного огня эскадры в бою. Помимо этого, Цывинский, как и Кетлинский, был поляком, а офицеры-поляки российского флота по возможности старались поддерживать своих младших земляков. Именно так в свое время поддержал Кетлинского командир «Ретвизана» Щенснович, так теперь его взял в подчинение себе и Цывинский. Впрочем, я все же уверен, что решающим в выборе кандидатуры на должность своего флагманского артиллериста для Цывинского были все же профессиональные и деловые качества Кетлинского. И в этом он не ошибся. Лучшего флагманского артиллериста нельзя было и желать.

Отряду, флагманским кораблем которого стал «Пантелеймон», и было поручено создание новой школы артиллерийской стрельбы. Цывинский почти сразу же увел свой отряд с севастопольского рейда в Двужорную бухту, где занялся усиленными тренировками и плановыми стрельбами.

Что касается Кетлинского, то, помимо своих прямых обязанностей флагманского артиллериста, он разрабатывал программу серий стрельб для выяснения, как говорилось в одном из приказов командующего, «при каких условиях и какими способами можно управ-

лять огнем целой эскадры, сосредоточивая весь этот огонь на одной цели, что с таким успехом делалось японцами при Цусиме».

Особенно тщательно готовил Кетлинский к стрельбам комендоров. Для постоянных тренировок в зарядании и наводке орудий были заказаны хорошо зарекомендовавшие себя в английском флоте специальные зарядные приспособления, «электромагнитные отсчетчики Скотта», а также приборы Морриса, которые вместе с практикой стрельбы мелкокалиберными пулями по движущейся цели обеспечивали выработку навыков управления механизмами крупнокалиберной пушки. Это были уже далеко не те примитивные приспособления, которые Кетлинский конструировал в Порт-Артуре! Новшеством стал и осуществленный в течение кампании массовый отбор кандидатов в ученики-наводчики, каждый из которых должен был выполнить три обязательных вида вспомогательных стрельб.

За последнее время изменение претерпела не только служба, но и личная жизнь Кетлинского. Сразу же по возвращении из Циндао он женился, а в 1906 году, уже в Севастополе у него рождается первая дочь, которую лейтенант назвал Верой.

1 мая 1907 года отряд в составе броненосцев «Ростислав», «Три Святителя», «Пантелеймон», «Синоп» и нескольких миноносцев вышел в четырехдневный поход до Новороссийска и обратно, в котором занимались эволюциями, а ночью – плаванием без огней. Затем у Тендры по программе артиллерийской школы были проведены вспомогательные стрельбы. Помимо всего прочего, именно в это время Цывинскому удалось предотвратить и готовившееся на кораблях летом 1907 года новое восстание.

Послужной список Кетлинского в это время заполнен записями о его участии в самых разнообразных комиссиях. Он участвует в выработке постановлений о подготовке кораблей и эскадры к бою, в составлении нового вида боевых сигналов, в выработке новых программ для артиллерийских классов, в комиссии по установке новых оптических прицелов и т. д. Помимо этого, преподавал он и в артиллерийской школе.

В июне 1907 года за отличия в Русско-японской войне К.Ф. Кетлинский был одновременно награжден сразу двумя орденами: орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами за бой в Желтом море, орденом Святого Владимира 4-й степени с мечами и бантом за оборону Порт-Артура. Кроме этого, получил он и серебряную медалью с бантом в память войны с Японией.

С прибытием из Петербурга членов комиссии морских артиллерийских опытов Черного моря, в том числе и известного впоследствии ученого-кораблестроителя А.Н. Крылова, на кораблях развернулись первые методические учения, имевшие своей целью выработку таблиц стрельбы для дистанций свыше 42 кабельтовых. Вблизи сооруженного на песчаной косе огромного дощатого щита был оборудован обсервационный пункт, с которого во время стрельбы сигналами передавали координаты для комиссии, проводившей вычисления.

Экспериментальные стрельбы выполнял «Пантелеймон», так нерасстрелянные орудия обладали наибольшей меткостью. На «Пантелеймоне» находился все время и Кетлинский. Стрельбы «Пантелеймона» подтвердили основные теоретические положения отечественных ученых-артиллеристов. Одновременно они вскрыли, как отмечал в отчете Цывинский, и «громадную неточность наших таблиц стрельбы, которые, например, для 12-дюймовых орудий на 60 кабельтовых расходятся на 6 кабельтовых с действительностью».

Перебазировавшись в отдаленные Камышовую и Казачью бухты, корабли продолжили учебные стрельбы и боевую подготовку, ежедневно выходя в море.

«Усвоив обычай английских капитанов, – вспоминал Генрих Фаддеевич Цывинский, – возвращаться на ночь всегда на свой корабль, я за два года командования эскадрой ни разу не ночевал на берегу. Офицеры, зная, что адмирал может ночью приехать внезапно на их корабль для производства тревоги (что по временам я и делал), возвращались ночевать на свои корабли... Морские дамы сильно на меня дулись и называли меня «строгий адмирал».

Вместе с командующим безвылазно находился на кораблях и его флагманский артиллерийский офицер. Отработав одиночные стрельбы кораблей, Цывинский с Кетлинским перешли в организации стрельбы в составе эскадры, выполняя ее по счетам со все более усложняемым маневрированием вокруг них и увеличением скорости и дальности.

Историк флота Р.М. Мельников пишет: «Перед каждой стрельбой в приказах адмирала разъяснялись особенности и задачи предполагаемых способов пристрелки, маневрирования и управления огнем, анализировались удаchi и недостатки предыдущих стрельб, давались обстоятельные рекомендации по совершенствованию всех их элементов. В приказах Г.Ф. Цывинского и наставлениях флагманского артиллериста лейтенанта К.Ф. Кетлинского особенно подчеркивалось, что исход боя часто решается в первые минуты и поэтому пристрелку необходимо проводить в кратчайшее время. На стрельбу каждым бортом отводилось по пять минут, а интервал сближения с целью во время стрельбы ограничивался пределами от 40 до 25 кабельтовых. Для наиболее точного анализа стрельб маневрирование осуществлялось по боевой локсодромии (боевой спирали), и задача, поставленная адмиралом – дать «ясные и точные указания на тот путь, которым следует идти, чтобы сделать из флота действительную боевую силу», – была в значительной мере выполнена уже в кампанию 1907 года, когда в последних стрельбах с дистанции 60 кабельтовых, случалось, топили выпускавшуюся под парусами лайбу первыми пристрелочными выстрелами. Оптимистичным, но вызывавшим горестное сознание упущенных во время Русско-японской войны возможностей стал итог проведенных «Пантелеймоном» с 26 сентября по 3 октября первых испытаний новых удлиненных четырехкалиберных 152- и 305-мм снарядов, которые при той же траектории имели значительно лучшую меткость и в отличие от нередко «кувыркавшихся» на дальних расстояниях длинных японских снарядов сохраняли устойчивый полет на всех дистанциях, включая и предельные».

Из хроники событий: «Стрельбы в Отдельном практическом отряде Черного моря (так с 1 октября 1907 г. стала называться Практическая эскадра), возглавляемом «Ростиславом» под флагом контр-адмирала Г.Ф. Цывинского (кораблем в это время командовал назначенный на должность 2 октября 1906 года капитан 1-го ранга Д.И. Петров), проводились на немыслимых до войны дистанциях – до 100 кабельтовых и с огромным расходом снарядов (только 254-мм пушки «Ростислава» расстреляли их 330 штук – пожалуй, больше, чем все семь броненосцев Первой Тихоокеанской эскадры за два последних предвоенных года, а ведь на этот раз подобным образом стреляли с трех других кораблей отряда – «Пантелеймона», «Трех Святителей» и «Синопа»). Столь обширные опыты позволили получить необходимые материалы для создания новых таблиц стрельбы. Кроме того, удалось всесторонне проверить техническую надежность и удобство использования новых оптических прицелов и дальномеров, а также отработать тактику пристрелки и маневрирования с массированием огня нескольких кораблей по одной цели. Помимо стрельб, отряд совершал и «обычные» плавания...»

Нелегкая кампания 1907 года привела вице-адмирала Цывинского и капитана 2-го ранга Кетлинского, испытавших пять видов пристрелки, к выводу о реальной достижимости артиллерией высокой меткости на «очень больших расстояниях» и возможности вести «вполне действительный огонь» (при корректировке с наблюдательных постов на мачтовых площадках) по целям, находящимся далеко за горизонтом. Этот вывод стал настоящей сенсацией среди наших моряков!

В своих воспоминаниях вице-адмирал Г.Ф. Цывинский написал следующее: «20 января 1908 г. я был вызван в Петербург для участия в Артиллерийском комитете, составившем годовую программу дальнейших стрельб. Я взял с собой флагманского артиллериста капитан-лейтенанта Кетлинского (так в тексте, на самом деле Кетлинский был к этому времени лейтенантом. – В.Ш.) Новый морской министр и высшие сферы флота интере-

совались серьезно результатами эскадренных стрельб, и об этом министр доложил Государю. При моем представлении Царь, как и всегда, был очень приветлив, расспрашивал подробно о поведении команд на эскадре и, заинтересованный нашими стрельбами, сказал мне, что вскоре вызовет меня в Царское Село для обстоятельного доклада о всех наших маневрах. Вызванный телеграммой начальника собственной Е.В. канцелярии князем Орловым, я 31 января прибыл в Царское Село. Царь принял меня в своем кабинете, сидя за письменным столом... Я сидел рядом и с чертежами в руках излагал ему подробно (точно читал лекцию) все детали наших эволюций и стрельб. По вопросам было очевидно, что он все усвоил, и в его глазах сияла искра радости, что он понял то, что не было ему известно раньше. Прощаясь со мной, он сказал, что осенью посетит эскадру, чтобы самому видеть наши маневры».

Из воспоминаний вице-адмирала Цывинского следует, что успехи его эскадры в новейших способах артиллерийской стрельбы были столь ошеломляющи, что были с восторгом восприняты и морским министром и самим императором, который лично вник во все новшества черноморцев и пожелал лично присутствовать на стрельбах. Ну, а тот факт, что командующего эскадрой в поездке сопровождал не кто другой, а именно флагманский артиллерист, тоже говорит сам за себя, ведь именно Кетлинскому пришлось давать пояснения столичным адмиралам относительно всех нюансов подготовки артиллеристом и вопросов организации самой стрельбы.

В следующем, 1908 году отработка централизованной стрельбы на максимальных дистанциях была продолжена. Эту кампанию Кетлинский проплавал уже в качестве флагманского артиллерийского офицера штаба начальника морских сил Черного моря.

Историк флота Р.М. Мельников пишет: «Прослышав о замечательных успехах отряда в стрельбе, Севастополь посетили военно-морские атташе – сначала американский, а затем – германский. На расспросы прибывшего с визитом к командующему германского адмирала Гинце Г.Ф. Цывинский отвечал, что эскадра занимается обычной летней практикой, и посланцу императора Вильгельма Второго оставалось довольствоваться лишь наблюдениями из окон гостиницы. В походе с отрядом побывал лишь капитан 2-го ранга маркиз де Белиз, получивший специальное разрешение морского министра. Французский офицер не мог поверить, что можно так метко стрелять на расстояниях, при которых падение снарядов (за горизонтом) уже не видно наводчику: во французском флоте предельным считалось расстояние 45 кабельтовых. Маркизу объяснили, что в отряде стрельбу корректируют не наводчики, а опытный офицер-наблюдатель, который вместе с двумя специально подобранными и уже не сменяющимися в течение кампании матросами-наблюдателями располагается на 30-метровой высоте марсовой площадки и имеет постоянную и надежную телефонную связь с боевой рубкой. Все это маркизу продемонстрировали на практике».

«Ветер был довольно свежий, лайба бежала быстро под большим парусом. Прodelав вначале несколько эволюций на полном ходу эскадры, мы в расстоянии 90 кабельтовых начали пристрелку вилкой и, произведя залп всей эскадрой, сделали вторую пристрелку и второй залп, по которому лайба была разбита и легла. Вся стрельба вместе с двумя пристрелками продолжалась 17 минут. Маркиз следил со мною на мостике за всеми манипуляциями управляющего огнем старшего артиллерийского офицера. В корпусе лайбы сосчитали шесть пробоин и на парусе три дыры. Маркиз остался очень доволен». Так вспоминал об этом эпизоде сам Цывинский.

А вскоре описания русских стрельб появились на страницах французского журнала «Ле яхт», вызвав уже настоящую сенсацию в Европе. Тем временем Цывинский с Кетлинским развивали свой успех, начав проводить стрельбы уже с дистанций 110 кабельтовых в сочетании со сложнейшими маневрами, сделав практический отряд Черноморского флота сильнейшим боевым соединением в мире.

Военно-морские историки обоснованно считают, что, будь такая подготовка, какой достиг адмирал Цывинский на эскадрах Витгефта и Рождественского, судьба этих эскадр была бы совершенно иной. Думаю, что радость от достигнутого успеха омрачалась для контр-адмирала Цывинского воспоминаниями о погибшем сыне, а для его флагманского артиллериста – о погибших друзьях...

Имеется любопытное упоминание историком флота М.А. Петровым в его работе «Два боя» (Ленинград, 1926 г.) о том, что командующий 1-й английской эскадрой адмирал Мейд, прощаясь с прикомандированным представителем русского флота капитаном 2-го ранга А. Изенбеком, служившим ранее артиллерийским офицером на линкоре «Павел Первый», высказал в его лице комплимент всему русскому флоту: «Ваше самолюбие может быть удовлетворено. Гранд Флит стреляет русским методом стрельбы!» Таков был результат самого, наверное, глубоко и основательно усвоенного урока Цусимы, поднявшего артиллерийскую культуру и искусство стрельбы на российском флоте на мировой уровень.

Оценкой артиллерийской деятельности Кетлинского в 1909 году стал некий «подарок по чину» от императора Николая Второго. Что это был за подарок, мы можем только догадываться – может быть, золотые часы, может быть, что-то еще.

Осенью 1909 года Кетлинский, по представлению командующего был назначен старшим офицером линейного корабля «Иоанн Златоуст», а в следующем году становится капитаном 2-го ранга.

Дочь нашего героя, писательница Вера Кетлинская приводит в своей книге «Окна. Вечер. Люди» рассказ директора асбестового завода объединения «Красный треугольник» Н.С. Естрополова, который рассказал в 30-х годах знакомому Кетлинской поэту Б. Лихареву, что в 1909 году он служил на Черноморском флоте на броненосце «Иоанн Златоуст» и занимался там революционной деятельностью. Вот как описывает В. Кетлинская рассказ бывшего матроса от первого лица: «Поймали меня за распространение революционных листов, при обыске нашли в моем рундучке, под бельем еще пачку. Вечером приказывают идти к старшему офицеру. Старшим был Кетлинский. Команда его любила, справедливый он был, с матросами на «вы», но все же офицер! А за мною хвост еще из Питера – за неблагонадежность выгоняли с завода и арест на флоте... Струхнул, конечно, – следствие, трибунал, тюрьма, а то и каторга... Прихожу, стучу в каюту. «Войдите!» Он сидит за столом спиной ко мне. Докладываю по всей форме. Он, не оборачиваясь, спрашивает: «Вы принесли на корабль листовки?» – «Так точно. Ваше благородие, я!» – «Вы знаете, что вам грозит за это?» – «Так точно, знаю». Он помолчал, а все не оборачивается, спрашивает: «Вы понимаете, что я должен дать этому делу ход?» Опять говорю: «Так точно, понимаю». Ну, молчим. Потом он поворачивается ко мне и говорит: «Я не хочу этого делать. Но вы должны дать честное слово, что больше на этом корабле заниматься такими делами не будете. Подумайте. Не торопитесь». Я подумал и отвечаю: «Честное слово даю!» Он поглядел мне в глаза и строго-строго говорит: «Я вам верю. Можете идти».

– Ну, и как же вы потом? – спросил Лихарев.

Сдержал слово. *На этом корабле».*

Весной 1910 года по распоряжению морского министра он был направлен от Военно-морской академии в весьма важную командировку в Англию, Италию и Францию с целью знакомства с организацией и обучением тамошнего военного флота, прежде всего для ознакомления с артиллерийской стрельбой на новейших дредноутах. Как всегда, Кетлинский блестяще справился с данным ему поручением.

По воспоминаниям дочери нашего героя Веры Кетлинской, помимо ознакомления с положением дел на европейских флотах он и сам читал офицерам флотов стран Антанты курс лекций «Иностранные флоты». По-видимому, предметом лекции был прежде всего рос-

сийский флот. За границу Кетлинский вызвал и семью, посетив с супругой и дочерьми Венецию.

Из воспоминаний В. Кетлинской: «Он (отец. – *В.Ш.*) обнаруживал большие склонности к военной науке, а не к командирской карьере, так как в 1911 году был приглашен делать доклад в Морской академии и затем послан за границу для изучения разных флотов, после чего читал в академии курс лекций «Иностранные флоты». В бумагах отца сохранилась программа курса, это анализ состояния разных флотов на фоне экономического и политического состояния государства, а сквозной мыслью курса является мысль о том, что каждый флот имеет свою особую задачу, рожденную экономикой и политикой данной страны, и поэтому должен развивать те виды кораблей и техники, которые соответствуют его задаче. Лучшим в мире флотом по организации флотской службы он считал английский. Вероятно, по тем временам так оно и было? Или сказалось личное пристрастие? Чего не знаю, того не знаю. Но мне ясно, что, не будь мировой войны, стал бы отец научным работником, тогда вся его судьба повернулась бы по-иному...»

Когда же в 1911 году командующим Черноморским флотом был назначен адмирал Эбергард, он, помня Кетлинского не только как талантливого артиллериста, но и толкового штабного работника, предпринял все, чтобы заполучить его к себе флаг-офицером.

Из докладной записки Кетлинского Эбергарду после приема дел: «Причина всех неурядиц и нежелательных явлений только одна – отсутствие штаба при Командующем флотом. Нельзя же серьезно называть штабом кунсткамеру отдельных лиц, ничем не объединенных, никем не направляемых, среди которых есть талантливые и хорошие работники. Способные дать много при другой постановке дела и люди, абсолютно бесполезные. Даже вредные. Лебедь, рак и щука... Недавний переход к сложной технике еще держит нас в своих оковах. Мы из-за деревьев не видим лесу. У нас еще до сих пор адмиралы изобретают свои сети... А командование, замысел и решение, управление массой и созидание нужного военного духа – все это какие-то случайные инциденты, без плана и системы».

Любопытно, что, получив назначение на Черноморский флот, Кетлинский был оставлен в штатах Морской академии.

* * *

На всем протяжении российской военно-морской истории Балтийский и Черноморский флоты всегда негласно соперничали друг с другом. В какие-то годы это соперничество сходило почти на «нет», в другие, наоборот, обострялось до крайности. Очередной период обострения соперничества между Балтикой и Черным морем произошел и в преддверии Первой мировой войны.

Любопытно, что одновременно с деятельностью черноморского «тандема» Цывинский – Кетлинский на Балтийском флоте аналогичным вопросом организации эффективной централизованной эскадренной стрельбы занимался конкурирующий «тандем» Эссен – Кедров. При этом соперничество было нешуточным.

В этой связи для нас весьма любопытна фигура М.А. Кедрова. Как и Кетлинский, и Колчак, во время Русско-японской войны он служил в Порт-Артуре. Во время знаменитого боя в Желтом море вместе с Кетлинским входил в штаб контр-адмирала Витгефта в качестве флаг-офицера и был ранен. Как и Кетлинский, в послевоенное время Кедров усиленно занимался вопросами организации артиллерийского огня на Балтийском флоте. Он заведовал обучающимися офицерами в артиллерийских офицерских классах, служит флагманским артиллерийским офицером в штабе командующего флотом, помощником начальника учебного артиллерийского отряда. Однако успехи Кедрова в деле организации эскадренного артиллерийского огня были гораздо скромнее, чем у прогремевшего на весь мир его черно-

морского коллеги Кетлинского. Для самолюбивого и амбициозного Кедрова этот проигрыш стал серьезным ударом, и не мог не сказаться на отношении его самого и его друзей к более удачливому черноморскому конкуренту.

Историки признают, что Кедров отличался весьма большой предприимчивостью. Так, он смог найти подход к Нилову, а через него весьма ловко вошел в доверие и к императору Николаю Второму. В рядах молодых офицеров-реформаторов, которые сгруппировались в межвоенный период вокруг Эссена, Кедров был заметной фигурой. Правда, его порой заносило, и один раз в своих интригах против министра Григоровича он зашел слишком далеко, за что едва не поплатился карьерой, но был спасен друзьями-реформаторами. А едва началась мировая война, именно Кедров был отправлен в Англию с секретной миссией – передать англичанам сигнальную книгу и шифры с потопленного немецкого крейсера «Магдебург», поднятые нашими моряками. Помимо этого официального задания он имел еще и неофициальное – налаживание контактов с английскими масонами. После возвращения из этой поездки Кедров, имея опыт командования лишь миноносцем и учебным судном, неожиданно для всех назначается командиром новейшего дредноута «Гангут». В 1915 году на «Гангуте» произошло восстание матросов, которое, однако, нисколько не повлияло на дальнейшую головокружительную карьеру Кедрова. В июне 1916 года он был произведен в чин Свиты Его Императорского Величества контр-адмирала и назначен начальником Минной дивизии Балтийского флота, сменив на этом посту ушедшего командовать Черноморским флотом Колчака.

После Февральской революции, в марте 1917 года Кедров был назначен помощником морского министра. Фактически же он руководил этим ведомством в условиях, когда его шеф масон Гучков совмещал руководство Военным и Морским министерствами и не был специалистом в военно-морских делах. В апреле 1917 года Кедров был одновременно назначен еще и начальником Морского генерального штаба. Вскоре после назначения военным и морским министром Керенского он снова попался на очередной интриге, Керенский решил избавиться от интригана. Однако Кедрова сразу же поспешил выручить его друг Колчак, который немедленно предложил Кедрову занять пост командующего бригадой линейных кораблей на Черноморском флоте. Но Кедров был не глуп, предложение он принял, но в должность так и не вступил, так как к этому времени сам Колчак бежал из Севастополя. В июне 1917 года «непотопляемый» Кедров был назначен в распоряжение морского министра, а уже через какие-то две недели стал уполномоченным Морского министерства при Русском правительственном комитете в Лондоне, занимался координацией действий русских морских агентов в Лондоне и Париже, т. е. снова отправился налаживать контакты с единомышленниками во Франции и Англии. В годы Гражданской войны Кедров занимал пост члена Особого совещания при российском посольстве в Лондоне по вопросам эксплуатации русского торгового флота союзниками, в результате практически весь наш торговый флот оказался в руках союзников, ну а сам Кедров стал весьма небедным человеком. Помимо этого, старый приятель Колчак, ставший к этому времени Верховным правителем России, поручил ему организацию транспортов по снабжению белых армий, а также назначил морским экспертом российского уполномоченного при союзниках в Париже известного масона Сазонова. После разгрома и смерти Колчака Кедров вернулся в Россию и в течение месяца с октября 1920 года командовал Черноморским флотом, причем Врангель сразу же произвел его в вице-адмиралы. После прибытия флота в Константинополь Кедров довел эскадру боевых кораблей до Бизерты, где сдал командование контр-адмиралу Беренсу, а сам отправился на весьма безбедное жительство в Париж. Впоследствии Кедров играл значительную роль в эмигрантских масонских кругах, был председателем Военно-морского союза, в состав которого входили более тридцати отделов и групп в различных странах, заместителем председателя антисоветского Русского общевойскового союза (РОВС. генерала Миллера. После

похищения Миллера советскими агентами в 1937 году исполнял обязанности председателя РОВС. до конца оставшись верным масонским идеалам.

Но вернемся к событиям 1914 года. Конкуренция между черноморцами и балтийцами не ограничилась лишь соревнованием за лучшую отработку централизованной эскадренной стрельбы. В преддверии Первой мировой войны в руководстве двумя флотами империи сложилась весьма любопытная ситуация. Так, Балтийским флотом фактически с 1908 года, а официально с 1911 года командовал адмирал Эссен. Вторым по значению флотом империи, Черноморским этого же 1911 года адмирал Эбергард, так же, как и Эссен, эстляндский немец по национальности. У обоих за спиной была вполне достойная служба, причем если Эссен всю свою предыдущую службу провел на кораблях, то его черноморский коллега весьма удачно сочетал и корабельную службу, и штабную работу. Различными были и подходы двух адмиралов к вопросам руководства. Если Эбергард был сторонником неторопливых, но хорошо спланированных и тщательно подготовленных операций, то Эссен являлся сторонником энергичных и смелых действий, рассчитанных зачастую лишь на внезапность и инициативу командиров кораблей. Если ко всему этому прибавить то, что оба адмирала никогда не питали друг к другу особо теплых чувств, то соперничество двух столь разных по духу флотоводцев было неизбежно с первого дня их назначения.

На фоне конкуренции двух командующих флотами сразу же обозначилось весьма серьезное соперничество и их флаг-капитанов по оперативной части. Заметим, что должность флаг-капитана при командующем в российском флоте в то время была весьма значимой. Флаг-капитан по оперативной части являлся фактическим начальником оперативного отдела штаба флота, т. е. человеком, отвечавшим за планирование всех боевых операций. Кроме этого, он являлся самым старшим офицером штаба флота и начальником для всех остальных штабных офицеров. Кроме этого, флаг-капитан командующего не подчинялся начальнику штаба флота, а только самому командующему, являясь фактически начальником его личного штаба. Уже из перечисленных прав и обязанностей очевидно, что должность флаг-капитана командующего по оперативной части (существовала еще должность флаг-капитана по распорядительной части, который занимался всеми административными делами) была очень значимой. Если же на этой должности оказывался человек не только грамотный, но амбициозный и волевой, то он, по существу, превращался в настоящего «серого кардинала».

На Балтике флаг-капитаном командующего по оперативной части с весны 1914 года являлся капитан 1-го ранга А.В. Колчак. Флаг-капитаном Эбергарда, как мы уже знаем, почти одновременно стал капитан 2-го ранга К.Ф. Кетлинский. И Колчак, и Кетлинский были не только грамотными офицерами, но и волевыми, и амбициозными личностями, а потому их влияние не только лично на своих командующих, но и на общее положение дел на флотах было весьма велико. Этот факт отмечают многочисленные свидетельства современников, с этим согласны и историки.

Колчак на год раньше выпустился из Морского корпуса. В происхождении Кетлинский тоже уступал своему конкуренту. Если Колчак был сыном известного генерала, участника обороны Севастополя в Крымскую кампанию, да к тому же еще тесно связанного, как бы сегодня сказали, с военно-промышленным комплексом, то Кетлинский был, как мы знаем, всего лишь сыном провинциального врача. В Русско-японскую войну и Колчак, и Кетлинский неплохо зарекомендовали себя в Порт-Артуре. По наградам и Колчак, и Кетлинский также шли практически наравне. Так, до Русско-японской войны оба имели по одному ордену. Колчак – Владимира 4-й степени, а Кетлинский – орден Станислава 3-й степени, рангом ниже. За отличие в боях в Порт-Артуре Колчак был удостоен ордена Анны 4-й степени, золотой сабли «за храбрость» и орденам Станислава 2-й степени с мечами. Кетлинский за Порт-Артур получил такую же золотую саблю «за храбрость» и Станислава 2-й степени с

мечами. Однако, помимо этого, заслужил орден Владимира 4-й степени с мечами и бантом, т. е. намного престижней, чем имел Колчак до войны. Кроме этого, и должность старшего артиллериста эскадры была намного более значимой и престижной, чем должность рядового командира миноносца, которую занимал Колчак. Так что в целом во время Русско-японской войны Кетлинский служил более успешно, чем его будущий недруг.

И Колчак, и Кетлинский были прекрасно подготовлены к исполнению своих обязанностей, у обоих имелся прекрасный послужной список. При этом любопытно, что в 1911 году Колчак являлся начальником оперативной части Морского генерального штаба по Балтийскому морю, находясь в прямом, непосредственном подчинении у тогдашнего начальника Морского генерального штаба адмирала Эбергарда. Однако, уходя на пост командующего Черноморским флотом, Эбергард почему-то не взял Колчака с собой, а предпочел ему Кетлинского, которого давно и хорошо знал еще по Порт-Артуру. Никаких свидетельств относительно того, какими были личные отношения между Эбергардом и Колчаком во время их совместной службы в Морском генеральном штабе, у автора нет. Думаю, что, скорее всего, они были весьма официальными. Колчак уже тогда позиционировал себя как «человек Эссена», а между Эбергардом и Эсеном отношения всегда были достаточно прохладными.

Как вспоминали современники, очень скоро новый флаг-капитан командующего по оперативной части приобрел достаточно большое влияние на своего командующего, который советовался с ним практически по всем важным вопросам. В августе 1914 года по представлению Эбергарда Кетлинский получает чин капитана 1-го ранга «за отличие» и вместе с ним французский орден Почетного легиона, который впоследствии сослужит ему хорошую службу.

Чин капитана 1-го ранга, согласно правилам прохождения офицерской службы на российском флоте, мог быть получен исключительно после 12 месяцев плавания старшим офицером на кораблях 1-2-го рангов или 12 месяцев плавания командиром корабля 2-го ранга. Пройдя должность старшего офицера линейного корабля «Иоанн Златоуст», Кетлинский такое право получил. Да и служил он вполне достойно.

Адмирал Ненюков, командированный в 1914 году на Черное море из Ставки и ранее сам недолго служивший командиром линейного корабля «Пантелеймон», в письме морскому министру писал: «...Черноморский флот до назначения Кетлинского (начальником оперативной части) совершенно не занимался тактическими упражнениями. Миноносцы служили складочным местом для убогих и неспособных. Была сносна стрельба (из орудий), да и та упала». Быстро завоевал авторитет на Балтийском море и Колчак.

Таким образом, к началу Первой мировой войны с одновременным назначением Эссена и Эбергарда командующими и последовавшим за этим почти одновременным назначением их флаг-капитанами энергичных и волевых Колчака и Кетлинского сразу же обозначилась серьезная конкуренция и противостояние руководства Балтийского и Черноморского флотов по всем направлениям. Впрочем, тогда еще никто не мог представить, сколь драматичным оно будет и к чему в конце концов приведет.

Если Балтийский флот первенствовал перед Черноморским в организации и отработке действий эсминцев, то Черноморский флот, безусловно, являлся лидером в деле организации централизованной стрельбы линейных кораблей.

В 1912 году старшим офицером линейного корабля «Иоанн Златоуст» был назначен старый знакомый Кетлинского по Порт-Артуру, капитан 2-го ранга В.Н. Черкасов, а уже в 1913 году по ходатайству Кетлинского он был назначен флагманским артиллерийским офицером штаба командующего Морскими силами Черного моря а по совместительству и командиром строившегося новейшего эсминца «Гневный». По существу, уходя на оперативную работу, Кетлинский передал все свои артиллерийские наработки тому, кто, по его мне-

нию, наиболее достойно продолжил бы совершенствование артиллерийской подготовки на флоте. В своем выборе он не ошибся.

После Русско-японской войны Василий Черкасов, как и Кетлинский, совершенствовался именно как артиллерист, а также осваивал специальность и офицера-оператора. В начале Василий Черкасов служил старшим артиллеристом учебного судна «Рында» в отряде Морского корпуса, затем был назначен в только что созданный Морской генеральный штаб, где служил с 1906-го по 1912 год, с четырехмесячным откомандированием на должность старшего офицера учебного корабля «Император Александр II». В 1912 году старший лейтенант В. Черкасов около месяца даже являлся начальником Оперативной части МГШ, что говорит о его высоком профессионализме. Одновременно, в 1906–1912 гг., он читал курсы «Тактическая часть артиллерии», «Элементарная морская тактика» в Артиллерийском офицерском классе и в Николаевской морской академии, опубликовал несколько статей в «Морском сборнике» и фундаментальных учебных пособий по тактике, стратегии и боевым средствам флота. Разумеется, В.Н. Черкасов не мог остаться в стороне и от новаторства Кетлинского на Черноморском флоте. Это, безусловно, еще более сблизило бывших сослуживцев. Одновременно Василий Черкасов активно участвовал в просветительской и научной деятельности кружка «младотурок», куда входили А.В. Колчак, В.К. Пилкин, А.Д. Бубнов и другие. Однако при этом он демонстративно дистанцировался от их политических интриг. Это привело к тому, что при всей внешней доброжелательности остальных «младотурок» к В.Н. Черкасову те никогда не считали его до конца «своим». В этом положение Черкасова было весьма схожим с положением самого Кетлинского.

Автору в точности не известно, где именно в Севастополе проживал Кетлинский. Его дочь в своих воспоминаниях пишет лишь о том, что в Севастополе жила теща нашего героя. Что касается тестя, старого моряка, то он ушел из жизни несколькими годами ранее – в свежую погоду неудачно прыгнул в шлюпку, сломал ногу, после чего пошла гангрена, и вскоре его не стало. У тещи Кетлинского был дача на северной стороне Севастополя – на Каче, где его супруга с дочерьми обычно проводила лето, однако в 1914 году Кетлинские отказались от Качи и сняли дачу поближе к Севастополю, на Учкучевке.

Вне службы Кетлинский, по свидетельству его дочери, был очень дружен с военным врачом Федоровым, служившим на одном из кораблей Черноморского флота. Их объединяли общие взгляды не только на службу, но и на политику. При этом, по словам дочери, оба слыли либералами. В своих мемуарах Вера Кетлинская пишет, что однажды ее отец и Федоров объявили бойкот некому офицеру, который ударил матроса. Этот бойкот поддержали и другие офицеры, переставшие подавать руку и разговаривать с негодяем. Вскоре после этого опозоренный офицер был вынужден перевестись в другое место. Помимо этого, по словам дочери, ее отец наотрез отказался от положенного ему по чину и должности денщика, считая это «мерзостью».

Есть в воспоминаниях дочери нашего героя и еще один любопытный штрих. Рассказывая о лете 1914 года, Вера Казимировна пишет о некоем матросе, которого ее отец поселил у них на даче, но не в качестве денщика, а лишь для того, чтобы тот мог заниматься самообразованием. Кетлинская пишет, что матрос читал учебник алгебры и «Капитал» Маркса. Разумеется, сейчас невозможно проверить правдивость слов известной писательницы, но, честно говоря, мне не слишком верится, чтобы флотские офицеры не только поощряли обучение будущих революционеров, но и фактически его организовывали. Конечно, Черноморский флот помнил лейтенанта Шмидта, но тот был, как известно, постоянным клиентом психиатрической лечебницы, а потому являлся исключением из правила.

А потому я вполне согласен поверить, что Кетлинский бойкотировал ударившего матроса сослуживца, что он отказался от денщика, но в то, что он создавал у себя дома условия для знакомства матросов с трудами Маркса, я все же не верю. Впрочем, написать именно так

у дочери нашего героя были свои веские причины. Забегая вперед, скажем, что последние годы своей непростой жизни Вера Казимировна провела в тяжелейшей борьбе, отстаивая имя своего отца. А потому она всеми силами старалась показать его советскому читателю не как царского золотопогонника, а как друга всех матросов и почти что большевика. Осуждать ее за этот наивный обман не стоит. Так на ее месте поступил бы, наверное, каждый из нас.

В августе 1914 года в Европе началась мировая война. С первых минут в ней принял участие и Балтийский флот. Что касается черноморцев, то они пока пребывали в бездействии, так как наиболее вероятный их противник – Турция пока придерживалась нейтралитета. Однако всем было очевидно, что долго такое положение дел не продлится.

Глава четвертая. Флаг-капитан командующего

Морским генеральным штабом был предложен план в случае начала войны с Турцией 1913–1914 годов, который, при превосходстве нашего флота над турецким предусматривал наступление главных сил ЧФ к Босфору для его блокады и боя с флотом противника в случае попытки его войти в море.

А ситуация на Черном море с началом войны России с Германией и Австрией в августе 1914 года складывалась не простая. После начала войны с Германией наше Министерство иностранных дел делало попытки оттянуть или устранить вовсе вступление в войну Турции. Это нашло себе отражение в директивах командующему Черноморским флотом, коему было прямо приказано «избегать явно агрессивных мероприятий, могущих послужить поводом для вступления Турции в войну».

На основании этого Эбергард и Кетлинский составили план действий, тогда же утвержденный ставкой, по которому «флот, сосредоточившись в Севастополе и будучи в постоянной боевой готовности, занимает впредь до новых указаний выжидательное положение, имея негласное наблюдение за турецким флотом при посредстве пароходов, совершающих рейсы между нашими портами и Константинополем».

Однако, уже к середине августа обстановка переменилась, германские крейсеры «Гебен» и «Бреслау» прошли Дарданеллы. Этим установилось соотношение сил, указанное в начале данной главы, т. е. при преимуществе на стороне турецкого флота. Поэтому от довоенного плана пришлось сразу отказаться. Вместо этого плана Эбергард и Кетлинский предложили новый. Он предусматривал оборону нашего флота на подготовленной позиции с переходом в наступление в случае ослабления турецкого флота. После же вступления в строй бригады линейных кораблей типа «Императрица Мария» энергичные наступательные действия против Босфора.

Согласно директиве Ставки, Черноморский флот мог отныне выходить в море лишь с учебными целями, не удаляясь от Севастополя дальше, чем на 60 миль, и, конечно, не ища встречи с «Гебеном». Затем пришла новая директива: «Не искать встречи с турецким флотом, если он не займет явно угрожающего положения». В результате этой чехарды ни Эбергард, ни Кетлинский до последнего момента не знали, будет ли война, т. к. директивы свыше поддерживали уверенность в возможности избежать ее.

28 октября 1914 года, вернувшись в Севастополь из учебного плавания, командующий флотом получил телеграмму о решении Турции начать войну. Но официального сообщения о начале войны все еще не было, и никто ранее данной директивы не отменял. На все запросы Эбергарда разъяснить ему ситуацию Ставка молчала. В то время Черноморский флот, за исключением минной дивизии и единичных вспомогательных судов, находился в Севастополе. В ночь с 28 на 29 октября два турецких миноносца внезапно атаковали в Одесской гавани канонерскую лодку «Донец», которая затонула от попавшей в нее торпеды.

В 10 часов 20 минут 29 октября штаб командующего флотом в Севастополе принял радио с парохода «Александр Михайлович»: «Вижу «Гебен» с двумя миноносцами». Флаг-капитан по оперативной части штаба, капитан 1-го ранга Кетлинский послал на «Александр Михайлович» запрос: «Уверены ли, что видели «Гебен»?» На что капитан ответил: «Гебен» знаю». Получив подтверждение, Кетлинский немедленно доложил об этом Эбергарду, который находился на флагманском броненосце «Святой Евстафий».

Вскоре «Гебен» подошел к выходу из Севастопольской бухты, прошел через крепостное минное заграждение, бывшее в этот момент незамкнутым, сделал несколько залпов по рейду и батареям, которые открыли ответный огонь. После этого линейный крейсер повернул в море. На пути, отразив атаку дивизиона миноносцев, он встретил возвращавшийся из

Ялты «Прут» и обстрелял его. «Прут» был затоплен своей командой, т. к. при продолжении боя имела опасность взрыва находившихся на нем мин. В тот же день на рассвете турецкие крейсера бомбардировали Новороссийск и Феодосию и поставили мины в Керченском проливе, на которых взорвались 2 парохода. После этого линейные силы флота вышли в море и в течение трех суток безуспешно искали «Гебен».

Разумеется, в данной ситуации действия Эбергарда и Кетлинского нельзя признать блестящими. Однако их ошибки были во многом обусловлены неясностью политической ситуации и отсутствием разрешения на начало активных боевых действий. К тому же в целом потери были не столь уж и значительны.

По получении в Ставке известий о нападении турецкого флота адмиралу Эбергарду была предоставлена определенная свобода действий, однако было указано, что главной его целью является воспрепятствование неприятельскому десанту, который, по имевшимся сведениям, готовился в Константинополе.

Слухи о десанте являлись несерьезными, но Ставка на этом настаивала. Поэтому Кетлинскому приходилось учитывать противодесантные дела в своих оперативных планах и отвлекать силы на совершенно не нужное дело. Новый, составленный Кетлинским и утвержденный Эбергардом план предусматривал решительный бой с главными силами противника для достижения последующего полного господства на Черном море.

Единственным же средством принудить неприятеля к решительному бою являлась тесная блокада Босфора, которая вместе с тем пресекала бы всякое его появление в Черном море. Однако тесная блокада Босфора не могла быть осуществлена, т. к. вблизи не было ни одного удобного пункта базирования, и потому, что решительный бой у берегов противника при отсутствии явного превосходства в силах представлялся опасным, ибо наши поврежденные в бою корабли могли бы не дойти до Севастополя. Вследствие этих соображений Эбергард и Кетлинский решили ограничить деятельность Черноморского флота минным заграждением Босфора, обстрелом побережья Турции и периодическим крейсерством линейных сил в поисках противника.

Из воспоминаний бывшего военного министра Временного правительства, а затем военспеца Красной армии А.И. Верховского: «...Вместо продолжения бесплодных атак на западной границе России надо было сосредоточить усилия на ее Черноморском фронте. Здесь наиболее слабое звено Тройственного союза. По нему и следовало наносить удар. Адмирал Каськов... направил меня в штаб флота к начальнику оперативного отдела капитану 2-го ранга Кетлинскому. Этот высокообразованный офицер был в трагическом положении человека, связанного по рукам и ногам своим ограниченным и боязливым командующим».

С началом боевых действий на Черном море начала возникать и напряженность в отношениях с Морским управлением Ставки Верховного главнокомандующего. С первого же дня мировой войны при Ставке Верховного главнокомандующего для оперативного согласования деятельности Балтийского и Черноморского флотов было сформировано Морское управление. Вначале им руководил бывший помощник начальника Моргенштаба контр-адмирал Ненюков, которого вскорости сменил адмирал Русин. Штаб-офицерами при нем состояли капитаны 2-го ранга Бубнов, Немитц, старший лейтенант Яковлев и лейтенант Апрелев.

В своих воспоминаниях о характере работы Морского управления Ставки с флотами впоследствии капитан 2-го ранга Б.Н. Апрелев вспоминал так: «Благодаря тому, что оперативная часть обоих флотов функционировала уже задолго до войны и начальники соответствующих оперативных частей Морского генерального штаба были не только в служебном отношении, но и лично близко связанными с флаг-капитанами по оперативным частям обоих флотов, то вся работа оперативной части флотов сводилась к тесной и дружной связи флаг-капитанов по оперативным частям обоих флотов с Морским генеральным штабом и

с Морским управлением штаба Верховного главнокомандующего, причем последнее являлось связью между флотами и армиями и имело задачей добиться полного взаимопонимания и согласования операций...»

В своих воспоминаниях Апрелев рисует почти идиллические отношения между Моргенштабом, Морским управлением Ставки и оперативными частями обоих флотов. Если такие отношения и существовали, то только до начала боевых действий. С началом же их ситуация кардинально поменялась.

Что касается Морского управления при Ставке, то, несмотря на его серьезное наименование, в первые полтора года войны забот у нее было не слишком много. Дело в том, что Балтийский флот подчинялся не Ставке, а командующему Приморской 6-й армией Северного флота и напрямую слать указания на флот Морское управление не могло. Помимо этого, рядом со штабом Балтийского флота располагался и Моргенштаб, который общался с балтийцами напрямую, через голову Ставки. Впоследствии Балтийский флот был передан из ведения 6-й армии в подчинение напрямую командующему Северным флотом. Это повысило авторитет и самостоятельность балтийцев, но все же Морское управление по-прежнему не могло ими командовать напрямую. Если Морское управление Ставки и слало какие-то бумаги балтийцам, то они носили, скорее рекомендательный характер, чем приказной. Что же касается Черноморского флота, то им Ставка, а следовательно, и Морское управление Ставки командовали напрямую. А так как никаких других дел у Ненюкова (а потом у сменившего его Русина) и его подчиненного больше не было, то они назойливо лезли во все мелочи черноморских дел. Чем больше морские офицеры Ставки слали указаний черноморцам, тем больше демонстрировали свою работу. Это, разумеется, не могло понравиться, ни адмиралу Эбергарду, ни его флаг-капитану по оперативной части. Началось неизбежное противостояние, итогом которого и явился затяжной конфликт командования Черноморским флотом и Морского управления Ставки. В этом конфликте дипломатичный и неглупый морской министр Григорович предусмотрительно занял сторону Ставки.

А боевые действия на Черном море тем временем становились все интенсивней. В первый поход, в ночь с 5 на 6 ноября, с миноносцев было поставлено заграждение у Босфора, и 6 ноября под прикрытием флота была произведена бомбардировка угольного узла – порта Зунгулдак. На обратном пути флот потопил несколько турецких транспортов.

Следующим походом флота было крейсерство у анатолийского побережья. Флот бомбардировал порт Трапезунд, ставил минные заграждения. На пути к Севастополю адмирал Эбергард получил из Морского генерального штаба сообщение, что «Гебен» находится в море. У флота уголь был уже на исходе, вследствие чего предпринимать специальные поиски «Гебена» не представлялось возможным, и флот продолжал свой путь.

В полдень, 18 ноября дозорный крейсер «Алмаз» увидел милях в трех впереди себя «Гебен», шедший навстречу эскадре. Линейные корабли начали поворачивать влево. Вскоре после поворота головного «Евстафия», на котором держал свой флаг Эбергард (там же находился и его флаг-капитан Кетлинский), на дистанции в 40 кабельтовых он увидел «Гебен», в стороне от которого шел легкий крейсер «Бреслау». Противники одновременно вышли из тумана и оказались на дистанции огня.

Согласно правилам «централизованной стрельбы», огонь не мог быть открыт одним головным кораблем, т. к. управляющий стрельбой флота старший артиллерист находился на втором в строю линейном корабле, «Златоусте», который в это время еще заканчивал свой поворот и стрелять не мог. Тем временем «Гебен» повернул вправо и лег на курс, параллельный нашим кораблям.

После короткого совещания с Кетлинским Эбергард приказал «Евстафию» открыть огонь, не дожидаясь «Златоуста», «Евстафий» сделал залп, которым сразу же накрыл противника, добившись нескольких попаданий. «Гебен» ответил. Бой продолжался всего 14 минут,

после чего «Гебен» повернул и скрылся в тумане. В результате боя были повреждения и потери на «Евстафий». «Гебен» также же получил несколько попаданий и был поврежден более серьезно.

В декабре флот в очередной раз выходил в море, имея целью постановку минного заграждения у Босфора и закупорку Зунгулдакской гавани путем затопления пароходов, дабы прекратить оттуда вывоз угля. Закупорить Зунгулдак не удалось, но у Босфора минные заграждения были поставлены.

К концу декабря 1914 года выяснилось, что периодические выходы в море Черноморского флота недостаточно препятствовали туркам снабжать через море свою армию. Поэтому адмиралу Эбергарду было приказано прекратить турецкие морские сообщения с анатолийским побережьем, для чего возможно дольше оставаться с флотом в открытом море.

Заслуги Кетлинского в кампании 1914 года, в том числе и его личное участие в бою у мыса Сарыч, были оценены командованием орденом Святой Анны 2-й степени с мечами. Награда достаточно высокая и почетная.

До середины февраля 1915 года адмирал Эбергард блокировал восточную часть анатолийского побережья, причем флот лишь на короткие сроки заходил в Севастополь для пополнения запасов.

Во время этой блокады флот обстреливал прибрежные пункты и порты, уничтожал сосредоточенные в них погрузочные средства, потопил несколько пароходов и большое количество парусных судов. Вскоре пароходное сообщение противника с Анатолией было полностью парализовано.

В то же время не прекращались периодические набеги германо-турецких крейсеров. Материальные результаты их были ничтожны, но моральное их значение велико. Сухопутное командование очень нервничало, требуя от флота прекратить эти набеги. Нервничала и Ставка.

Германские корабли – линейный крейсер «Гебен» и легкий крейсер «Бреслау» – значительно превосходили наши корабли в скорости хода, а потому были фактически неуловимыми.

Эбергард полностью износил механизмы судов, держа их постоянно в море, но ничего не смог сделать для прекращения набегов. До весны 1915 года деятельность Черноморского флота протекала преимущественно в крейсерстве в море, насколько это позволяли состояние механизмов и условия погоды.

В то же время вступление в строй наших новых подводных лодок дало возможность по очереди держать их на подходе к Босфору. Но и это не препятствовало германским крейсерам периодически выходить из Босфора и производить налеты на пункты нашего побережья. В марте на минах около Одессы взорвался и затонул турецкий крейсер «Междидие», который был через некоторое время поднят и зачислен в списки нашего флота под наименованием «Прут».

Весной 1915 года Черноморский флот пребывал в постоянной готовности выйти к Босфору в случае успеха операции союзников против Дарданелл и оказать им поддержку. Но десантная операция Антанты позорно провалилась.

В мае 1915 года произошел еще один бой с «Гебеном», теперь уже у Босфора. Эбергард снова держал свой флаг на «Евстафий», при нем, как всегда, находился и Кетлинский. В результате боя «Гебен», используя свое большое преимущество в скорости, успел скрыться в Босфоре.

За боевые заслуги в войне и личное участие во многих боях в мае того же года Кетлинский был удостоен ордена Святого Владимира 3-й степени с мечами.

Вступление в строй в июне 1915 года первого дредноута, «Императрица Мария», новых миноносцев и подводных лодок значительно усилило Черноморский флот. Теперь он,

безусловно, превосходил германо-турецкий. Сразу же были образованы две маневренные группы: 1-я – во главе с «Императрицей Марией», 2-я – линейные корабли-додредноуты, которые чередовались в море.

Летом 1915 года на Черном море впервые был применен маневренный метод использования подводных лодок: крейсерство в ограниченном районе. Он позволил командирам проявлять большую инициативу при поиске целей, что положительно сказалось на результативности действий. В этом была несомненная личная заслуга флаг-капитана командующего по оперативной части. Для разведки укреплений Босфора впервые были применены аэропланы, произведшие одну из первых аэрофотосъемок в ходе войны на море.

Обстрелы Зунгулдака, бомбардировки Босфора, действия против торговых судов и анатолийского побережья продолжали быть главным содержанием боевых операций русских линейных сил и миноносцев. В этих операциях флот добился определенных успехов. Количество потопленных турецких торговых судов достигло нескольких тысяч. Большого успеха флот достиг и в оказании помощи приморскому флангу нашей Кавказской армии у Трапезунда.

Как флаг-капитану командующего по оперативной части Кетлинскому вплотную приходилось заниматься и организацией связи, от которой во многом зависело качество решения оперативных вопросов.

В 1915 году при его непосредственном участии были введены в строй первая на Черноморском флоте телеграфная станция «Графская пристань», которая поддерживала прямую связь на аппаратах Бодо со Ставкой Верховного главнокомандующего, и новая, оснащенная французской аппаратурой радиостанция в Килен-бухте.

Это позволило значительно улучшить управление силами в море, качество радиоразведки, обеспечение высадки десантов и перевозки войск, взаимодействие с армейскими частями. Несомненным успехом Кетлинского являются и успешные эксперименты по одновременному управлению по радио с берега действиями кораблей и подводных лодок у Босфора.

Адмирала Эбергарда и его флаг-капитана давно волновала идея Босфорской операции. После провала Дарданелльской операции союзников они взялись за ее подготовку вплотную. Кетлинским был разработан подробный план всей грандиозной десантной операции.

В плане подготовки этой операции на Босфоре, Кетлинский занимался формированием особой транспортной флотилии, в состав которой были включены лучшие пароходы на Черном море. Вскоре Эбергард с Кетлинским могли доложить в Ставку, что Черноморский флот был готов выполнить перевозку при напряжении всех средств целой армии в составе 4 корпусов.

Согласно подготовке к высадке десанта на Босфоре, Эбергард и Кетлинский подняли вопрос и о необходимости занятия в качестве промежуточной базы флота болгарского Бургаса. Но этот проект ввиду опасения вызвать осложнения отношений с Болгарией был отклонен.

С вступлением в строй «Императрицы Марии» вопрос об обеспечении операции со стороны моря не возбуждал особых сомнений. Но осуществление десантной операции в крупном масштабе не находило пока понимания в Ставке.

Осенью 1915 года Болгария выступила на стороне Германии и Австрии. Это сразу осложнило обстановку на Черном море.

Отныне на болгарские порты получили возможность базироваться германо-турецкие подводные лодки. 27 октября 1915 года Черноморский флот бомбардировал Варну, при этом некоторые наши корабли подверглись атакам подводных лодок.

В начале ноября вступил в строй второй дредноут, «Екатерина II». Это дало возможность Эбергарду разделить линейные силы уже на три группы, из коих каждая превосходила «Гебен» по боевой мощи.

Супруга Кетлинского Ольга Леонидовна всегда была очень дружна со своей сестрой Верой, которая была замужем за художником Николаем Липхартом, который был смертельно болен туберкулезом и умер в Симеизе перед самой революцией. Что касается Кетлинского, то он был дружен с братом своего свояка Ильей Оскаровичем Липхартом, одним из первых подводников русского флота и человеком непростой судьбы. Женившись на некоей ветреной девице и уличив ее в измене, он в порыве ревности выстрелил в нее из револьвера, но нанес лишь легко ранение. После этого пытался покончить жизнь самоубийством. Был уволен с флота, вновь женился. С началом войны с Японией снова призван и командовал во Владивостоке подводной лодкой «осетр». В годы Первой мировой войны возглавлял штаб транспортной флотилии Черноморского флота. Впоследствии стал капитаном 1-го ранга. Эмигрировал с семьей во Францию, где и умер в 1936 году. В 1915–1916 годах Кетлинские часто общались с семьей Липхарта, проводя вместе немногие свободные вечера.

Не прерывались в это время и дружеские отношения Кетлинского с Василием Черкасовым. Что касается Казимира, то он был хорошо знаком с супругой Черкасова, Ольгой Александровной, которая была чуть ли не единственной женой офицера, прошедшей вместе с мужем всю порт-артурскую страду и даже участвовавшей в сражении нашей эскадры 28 июля в Желтом море, находясь на броненосце «Пересвет». Теперь же старые друзья дружили семьями, а две Ольги стали закадычными подругами.

На Черном море служба В.Н. Черкасова также шла достаточно успешно. Командуя эсминцем «Гневный», он неоднократно участвовал в боевых походах и «за отличия в боях против неприятеля» в мае 1915 года был произведен в капитаны 1-го ранга. За торпедную атаку на крейсер «Бреслау», проведенную у Босфора в ночь на 29 мая 1915 года, был награжден орденом Святого Владимира 3-й степени с мечами и бантом, за другие отличия – орденами Святой Анны 2-й степени с мечами и Святого Владимира 3-й степени с мечами. Как и все офицеры российского флота, Кетлинский, безусловно, соперничал Василию Черкасову в связи с жертвенным подвигом его младшего брата Петра, который, командуя канонерской лодкой «Сивуч», принял неравный бой с германской эскадрой в Рижском заливе и погиб, не спустив перед противником Андреевского флага.

В январе – марте 1916 года В.Н. Черкасов исполнял обязанности командующего 2-м дивизионом эсминцев Черноморского флота.

Что касается Кетлинского, то в феврале 1916 года он вплотную занялся организацией действий флота по нарушению турецких коммуникаций в зоне Зунгулдак – Эрдели, являвшейся жизненно важным для Стамбула угольным районом. Дело в том, что в связи с почти полным отсутствием дорог все перевозки угля осуществлялись оттуда в турецкую столицу морем на каботажных судах.

До этого времени, несмотря на постоянное присутствие в районе наших эсминцев, турки научились от них уходить. Наиболее опасный участок от мыса Баба до острова Кефкен они проходили в темное время суток без огней. Из Босфора турецкие суда так же выходили с наступлением темноты или за час-полтора до захода солнца, чтобы к утру достигнуть конечного пункта. Обнаружив днем неподалеку от берега наши эсминцы, турки попросту стали задерживать свои суда в портах. Когда же днем море было пусто, это был верный знак, что ночью можно будет пройти вдоль берега незамеченными. Такая тактика приносила туркам успех, и результативность наших эсминцев стала резко снижаться.

Поэтому Кетлинский предложил новую схему «угольной блокады», положенную Эбергардом в основу директивы № 297 от 10 (23) февраля 1916 года. Эта директива предусмат-

ривала блокирование района днем подводной лодкой, а ночью – парой эскадренных миноносцев.

Отныне подводным лодкам предписывалось, находясь днем под перископом, наблюдать за Зунгулдаком, не выдавая своего присутствия, а на ночь отходить от берега для зарядки батарей. Одновременно с наступлением ночи к побережью скрытно подходила пара эсминцев и в течение всей ночи маневрировала переменными ломаными курсами, перекрывая туркам путь следования от мыса Баба до острова Кефкен. Перед рассветом эсминцы снова отходили мористее за пределы видимости турок, а позицию у берега занимала подводная лодка. Результаты внедрения новой схемы превзошли все ожидания, и потери турок стремительно поползли вверх. В результате этого буквально через какой-то месяц Стамбул был поставлен на грань угольной катастрофы. Именно В.Н. Черкасов на практике отработывал теоретические новинки своего друга, устроив со своими товарищами настоящий погром на турецких прибрежных коммуникациях.

По сути дела, Кетлинский впервые разработал и на практике внедрил оперативное взаимодействие надводных кораблей и подводных лодок, что по достоинству было впоследствии оценено теоретиками военно-морского флота как важный шаг вперед в развитии способов действия сил на неприятельских морских сообщениях.

Несколько позднее Кетлинским была детально разработана и система взаимодействия подводных лодок, выражавшаяся в определении границ районов их крейсерства и чередования выходов в предпроливную зону.

Военно-морской историк Д.Ю. Козлов пишет по этому поводу следующее: «Сравнительно небольшое удаление лодок друг от друга обеспечивало возможность устойчивой радиосвязи и, следовательно, обмена данными об обстановке и получаемой от внешних источников разведывательной информации. Решение о поочередном нахождении лодок перед Босфором следует признать удачным, так как в отличие от предыдущих схем применения подводных лодок оно обеспечивало постоянное наблюдение за устьем пролива в дневное время...»

Результаты новаторства скоро дали о себе знать и потери турок от действий наших подводных лодок резко возросли. Деятельность Кетлинского, вне всяких сомнений, свидетельствует не только о высоком профессионализме, но и творческом подходе к решению стоящих перед флотом задач.

В марте 1916 года В.Н. Черкасов получил неожиданное назначение – командиром линкора «Чесма» (только что выкупленного у японцев нашего бывшего броненосца «Полтава»). Назначение это было, безусловно, престижно, так как, лишь пройдя командирскую ступень на корабле 1-го ранга, можно было рассчитывать на адмиральские погоны. Однако, прощаясь с Черкасовым, Кетлинский, конечно, не мог предположить, что скоро их служебные пути вновь пересекутся.

9 января 1916 года нашим миноносцам удалось наконец-то навести «Гебен» на «Екатерину II». Произошел короткий бой, после чего «Гебен», пользуясь своим неизменным преимуществом в ходе, опять ушел в Босфор.

В 1916 году Кетлинский особо отличился при проведении Трапезундской операции по взятию города силами флота. Кетлинский фактически руководил ее планированием, а затем весьма умело координировал боевые действия флота и частей кавказской армии. Как известно, Трапезундская операция была одной из самых удачных масштабных боевых операций нашего флота в Первой мировой войне и рассматривалась штабом Черноморского флота как генеральная репетиция к Босфорской десантной операции, запланированной на 1917 год.

К началу 1916 перед Черноморским флотом ставилась задача оказать содействие приморскому флангу Кавказской армии в овладении Трапезундом. 23 и 24 января корабли Батум-

ского отряда (линкор, 2 эсминца, 2 миноносца, 2 канонерские лодки) под командованием капитана 1-го ранга М.М. Римского-Корсакова огнем артиллерии подавили турецкие батареи у реки Архаве, что позволило Приморскому отряду Кавказской армии генерал-лейтенанта В.Н. Ляхова перейти в наступление.

Дальнейшие успешные боевые действия Кавказской армии стали возможны благодаря тому, что 25–26 апреля в Ризе и Хамургане были высажены две пластунские бригады, переброшенные из Новороссийска на 22 транспортах. С. стороны моря переход транспортов прикрывали 2 линкора, 2 крейсера и 6 эсминцев. Бригады высаживались под прикрытием кораблей Батумского отряда и авиации. После чего Приморский отряд, усиленный пластунскими бригадами, овладел сильно укрепленными позициями турок на реке Карадере и Трапезундом.

В результате успеха Трапезундской операции, достигнутого благодаря помощи флота, была прервана кратчайшая связь 3-й турецкой армии с Константинополем. Организованные русским командованием в Трапезунде база легких сил флота и база снабжения значительно упрочили положение Кавказской армии.

Один из самых авторитетных историков Первой мировой войны генерал А.М. Зайончковский считает Трапезундскую операцию по своему стратегическому значению равной таким стратегическим операциям 1916 года, как битва за Верден, бои русской армии в Галиции и французов на реке Сомма, а также знаменитый Ютландский бой.

Оперативно-боевая подготовка Черноморского флота, за которую непосредственно отвечал Кетлинский, была поднята им к 1916 году на весьма высокий уровень. Это признавали и союзники, и противники. «Боевая подготовка русского флота была хороша, лучше, чем в Балтийском флоте. Черноморский флот стрелял на больших дистанциях, много плавал, появлялся всегда соединенно, что совершенно лишало «Гебен» возможности использовать с успехом свое превосходство в скорости и артиллерийском вооружении против неприятельских сил по частям», – писали в своем отчете о кампании на Черном море германские специалисты.

Сегодня мало кто помнит одно из важнейших достижений адмирала Эбергарда, его штаба, и прежде всего Кетлинского, – разработку и внедрение в августе 1914 года комплекса «степеней готовности флота» или перечня «положений». Впоследствии именно этот перечень стал прообразом системы «оперативных готовностей», которая в межвоенный период была воссоздана уже в масштабе всего советского военно-морского флота и сыграла огромную роль в начале Великой Отечественной войны.

Недовольство Ставки и общественности действиями Черноморского флота относилось прежде всего к неуловимости «Гебена» и «Бреслау». И хотя эти корабли уже почти не покидали Босфора, это неудовольствие не только не уменьшалось, а, наоборот, искусственно нагнеталось.

Из послужного списка К.Ф. Кетлинского за 1914–1915 годы: «Находился в походах и делах против неприятеля в Черном море, в 1914 году 16 октября, 5 ноября и 24 декабря, в 1915 году 22 февраля, 15 марта, 12, 19 и 27 апреля и 25 мая».

Глава пятая. Заговор против Черноморского флота

К середине 1916 года Черноморский флот уже окончательно перехватил инициативу на море. Противник почти не вылезал из Босфора, лишь иногда решаясь на одиночные вылазки, да и то больше для поддержания общественного мнения, чем для решения каких-то реальных задач. На повестку дня встал вопрос о подготовке и организации десантной операции на Босфор. Этой работой Кетлинский занимался уже вплотную. По одним данным, операция носила условное наименование «Царьград», по другим – «Нахимов». Впрочем, возможно, и то и другое – это лишь домыслы более позднего времени. Между тем, несмотря на все достигнутые успехи, над командованием Черноморского флота сгушались тучи.

Впрочем, интрига началась многим раньше. Все началось еще 11 февраля 1915 года, когда на Севастопольский вокзал прибыл императорский поезд Николая II, совершавшего вояж по южным губерниям и пожелавшего «лично видеть боевую работу нашего флота и славных моряков-севастопольцев». На перроне царя встречали морской министр генерал-адъютант Григорович, товарищ министра внутренних дел генерал-майор свиты Джунковский, командующий флотом Черного моря адмирал Эбергард и другие. Приняв рапорт командующего флотом и хлеб-соль горожан, государь на катере отправился на внутренний рейд, обошел корабли эскадры и посетил линкор «Ростислав» и крейсер «Кагул».

Накануне визита в феврале 1915 года императора Николая в Крым адмирал Григорович пригласил командующего Черноморским флотом Эбергарда в великокняжеский дворец и официально сообщил ему, что в штабе Верховного главнокомандующего и в столичных «высших сферах» недовольны начальником штаба флота контр-адмиралом Плансоном и особенно флаг-капитаном по оперативной части капитаном 1-го ранга Кетлинским. Последний вызывал особую неприязнь министра. Григорович «дружески посоветовал» командующему флотом согласиться на замену своих ближайших помощников, назвав даже их будущих преемников. Однако такое предложение не соответствовало представлениям Эбергарда о служебной этике. Он категорически отказался снимать с должностей своих проверенных соратников, заявив, что всю ответственность за положение дел на флоте несет он лично.

Более того, делая вскоре императору доклад о положении дел на вверенном ему флоте, Эбергард посчитал необходимым внести в затеваемую интригу полную ясность и рассказал императору о сделанном ему министром предложении.

Из воспоминаний капитана 1-го ранга Н.Р. Гутана: «Андрей Августович (Эбергард – В.Ш.) на разрешение Государя говорить, в присутствии оставшегося в салоне морского министра, доложил следующее: «Я имею сведения, что в Ставке недовольны деятельностью моего начальника штаба и флаг-капитана, и мне предлагают их сменить. Но за боевую деятельность флота, Вашим Величеством мне вверенного, отвечаю я один. И если это недовольство действительно существует, я Всеподданнейше прошу Ваше Величество меня заменить, и ради блага России и пользы флота буду считать это Высочайшей мне милостью». Государь был удивлен и спросил А.А., откуда у него эти сведения. А.А. ответил: «Мне сообщил это Генерал-Адъютант Григорович». Тогда Государь, обернувшись к Адмиралу Григоровичу, спросил морского министра, откуда он это знает, и прибавил: «Я только что сам был в Ставке, и Великий Князь мне ничего по этому поводу не говорил». Адмирал Григорович ответил, что об этом много говорят в Петербурге. На это Государь возразил: «Иван Константинович, нельзя же всякому вздору верить». И, обращаясь к А.А., прибавил: «Я вполне вам доверяю и доволен вами и деятельностью флота, о чем можете объявить в приказе». Вопрос был исчерпан, а флот на следующий день снова вышел в море».

Капитан 1-го ранга В.М. Альтфатер, перебравшийся в Морской отдел Ставки и заведовавший там балтийскими делами, усиленно продвигал Непенина, рассчитывая, видимо, в

дальнейшем на поддержку этого бесхитростного и порядочного человека. Хотя, как считал Тимирев, более подходящим кандидатом на пост командующего Балтийским флотом был Колчак. Черноморским направлением в Ставке заведовал капитан 1-го ранга А.Д. Бубнов, в будущем – известный теоретик и историк военно-морского искусства. Он-то и продвигал туда своего друга Колчака.

В своей книге воспоминаний А.Д. Бубнов пишет: «К осени 1916 года операции эти (имеются в виду операции Черноморского флота под командой Эбергарда. – *В.Ш.*) привели к разрушению копей и портовых сооружений Зангулдака и к уничтожению всех паровых и более или менее значительных парусных судов турецкого торгового флота, последствием чего явилось полное прекращение снабжения Константинополя углем, а турецкой армии – боевыми запасами по морю. Это чрезвычайно затруднило и так уже тяжелое положение Турции и турецко-германского флота, ибо впредь пришлось доставлять уголь по уже сильно обремененной железной дороге из Германии, а снабжение Анатолийской армии боевыми запасами производить на расстоянии тысячи километров сухим путем без железных дорог. Однако, несмотря на наличие в составе Черноморского флота новых мощных броненосцев, набег немецких крейсеров на кавказское побережье продолжались, ибо наши броненосцы были тихоходные и не могли их настичь. Набеги эти послужили в течение зимы 1915/16 года предметом резких жалоб наместника на Кавказе великого князя Николая Николаевича верховному командованию и раздражали общественное мнение. Набеги эти могли быть прекращены лишь путем тесной блокады или минирования Босфора. Но, несмотря на повторные указания верховного командования командующему Черноморским флотом адмиралу А.А. Эбергарду в этом смысле, командование Черноморским флотом упорно отказывалось принять эти меры, ссылаясь на то, что для блокады Босфора нет вблизи его подходящих баз, а для минирования не хватает мин заграждения, ибо большинство минного запаса было израсходовано для обороны наших берегов. Хотя эти возражения были до известной степени справедливы, все же морской штаб верховного главнокомандующего полагал, что даже в существующей обстановке и с наличными средствами Черноморского флота можно было бы предпринять более энергичные действительные меры в районе Босфора в целях воспрепятствования выходу судам турецко-немецкого флота в Черное море.

При выяснении этого вопроса оказалось, что главным противником этих мер был начальник оперативного отделения штаба командующего Черноморским флотом капитан 2-го ранга Кетлинский, пользовавшийся неограниченным доверием и поддержкой командующего флотом А.А. Эбергарда. В целях побуждения командования Черноморским флотом к более энергичным действиям против Босфора я был командирован с соответствующими указаниями верховного командования в Севастополь, где был в достаточно недружелюбной степени встречен чинами штаба флота. Подкрепленные рядом неопровержимых стратегических и тактических доказательств, продолжительные мои разговоры с Кетлинским и чинами штаба, находившимися всецело под его влиянием, не привели ни к каким результатам. Это было тем более странным, что Кетлинский был одним из талантливейших офицеров нашего флота и что принятые впоследствии против Босфора энергичные меры, назначенные вскоре после этого новым командующим флотом адмиралом А.В. Колчаком, немедленно достигли полностью желаемых результатов.

Упорство Кетлинского в этом вопросе было настолько загадочным, если не сказать больше, что, в лучшем случае, можно было подозревать в нем недостаток личного мужества, необходимого для ведения решительных операций. Моя поездка послужила лишь к обострению отношений между морским штабом верховного главнокомандующего и командованием Черноморским флотом, и дало повод по возвращении моем в Ставку к острой переписке моей с чинами штаба Черноморского флота, принявшей вскоре с их стороны недопустимые, особенно в военное время, формы.

В конце концов начальником Морского штаба верховного главнокомандующего был дан командующему Черноморским флотом совет – заменить Кетлинского другим, более отвечающим оперативной работе офицером, на что адмирал А.А. Эбергард ответил категорическим отказом и заявлением, что он всецело разделяет оперативные взгляды своего начальника оперативного отделения и с ним не расстанется. Тогда было принято решение о смене самого адмирала Эбергарда.

Но привести в исполнение это решение было не так просто, ибо адмирал Эбергард пользовался благоволением Государя и поддержкой флаг-капитана его величества адмирала Нилова, с которым он был в дружеских отношениях. Вследствие этого морской министр и начальник Морского Штаба Верховного главнокомандующего опасались натолкнуться на отказ со стороны Государя.

Тогда в Морском Штабе был составлен строго научно обоснованный, всеподданнейший доклад, в котором деятельность командования Черноморским флотом была подвергнута объективной критике, и, к вящему удивлению адмиралов И.К. Григоровича и А.И. Русина, этот доклад был Государем утвержден без единого слова возражения. По этому докладу адмирал Эбергард был назначен членом Государственного совета...»

Вот всего одна цитата из того самого скандального доклада по морскому штабу Верховного главнокомандующего, приведшая к снятию с должности адмирала Эбергарда. Мне кажется, что эта цитата наглядно демонстрирует, как был составлен этот доклад: «Поставленная Черноморскому флоту с началом войны задача – поддерживать господство на море – наилучшим и исчерпывающим образом могла бы быть выполнена сосредоточением главных боевых усилий Черноморского флота против Босфора как единственного выхода флота противника в море. Составленные еще в мирное время и известные командующему флотом планы операций на Черном море именно и намечали сосредоточение боевых усилий флота против Босфора, и в соответствии с этими планами создавались необходимые боевые средства, и должна была протекать боевая подготовка личного состава флота. В начале войны, до вступления в строй новых линейных кораблей и миноносцев, активная деятельность нашего флота против Босфора могла почитаться спорной – в смысле возможности осуществления полной его блокады – вследствие сравнительной слабости флота и значительной зависимости его от баз. Но и в начале войны высказывались некоторыми морскими начальниками соображения о возможности поддерживать блокаду Босфора наличными силами флота при условии организации погрузки угля в море, в чем наш флот приобрел обширный опыт при неоднократных погрузках угля в океане в минувшую войну. Командующий флотом Черного моря не считал, однако, возможным сделать опыт в этом направлении и совершенно отказался от мысли блокировать Босфор...»

Что здесь можно сказать? Даже из первых абзацев доклада видна предвзятость голословных утверждений Русина и Бубнова и всех, стоящих за ними.

Ведь только поэтому Эбергард вынужден был каждый раз выводить в крейсерство всю свою тихоходную и громоздкую эскадру. Это приводило к невероятному напряжению Черноморского флота и преждевременному износу механизмов старых кораблей. С вступлением же в строй двух новейших мощных дредноутов, новых эсминцев и подводных лодок действия флота по нарушению неприятельских сообщений сразу же переросли в весьма эффективную блокаду Босфора. Обо всем этом Григорович, Русин и Бубнов прекрасно были осведомлены, однако по какой-то причине преднамеренно умолчали.

И это при том, что сегодня историками наглядно доказано, что именно российский Черноморский флот был единственным из всех воюющих флотов Великой войны, который настойчиво искал встречи с неприятелем в его водах. Никто даже не вспомнил, что перед началом боевых действий адмирал Эбергард настойчиво просил разрешить ему неожиданно войти в Босфор и нанести упреждающий удар по туркам, чтобы нейтрализовать «Гебен».

Неужели эти опытнейшие штабные офицеры не знали, что единственная оборудованная база блокирующих Босфор сил – Севастополь – находилась почти в 300 милях, т. е. на расстоянии более чем суточного перехода флота от пролива? Неужели они не понимали, что, имея противником линейный крейсер «Гебен», который почти вдвое превосходил в скорости наиболее боеспособную 1-ю бригаду линейных кораблей, а по мощи артиллерии был сопоставим с тремя лучшими линкорами Черноморского флота, вместе взятыми, командующий флотом не имел возможности разделять свои силы? Или для них было новостью, что в распоряжении Эбергарда отсутствовали быстроходные крейсера и мореходные подводные лодки, способные нести непрерывный дозор у Босфора?

Впрочем, Морской генеральный штаб, а затем и Морской штаб Главковерха, учрежденный в январе 1916 года, не прекращали своих дальнейших попыток сместить черноморское командование. Особенно старались в этом начальник Морского генерального штаба адмирал А.И. Русин и его флаг-капитан А.Д. Бубнов. Сделать это было не так-то легко, так как Эбергард пользовался на Черноморском флоте большим авторитетом среди офицеров.

Относительно готовности Балтийского флота к Первой мировой войне, как и непогрешимости командующего Балтийским флотом Н.О. Эссена, весьма аргументированно пишет известный военно-морской историк Р.М. Мельников в своей книге «Линкор «Павел Первый»: «Вместо предполагавшейся, просто и ясно понимаемой главной боевой задачи: сражения с превосходящими силами противника на артиллерийско-минной позиции – флот (имеется в виду именно Балтийский флот. – *В.Ш.*) оказался в условиях борьбы, к которой был не готов. Хуже того – часть уроков той войны оказалась забыта. Достаточно указать на зачаточное состояние тральных сил, совершенно неудовлетворительные технику и боевую подготовку подводных лодок. Им из совершенных в 1915 г. 20 торпедных атак (выпущено 50 торпед) не удалась ни одна (*Томашевич А.В.* Подводные лодки в операциях русского флота на Балтийском море в 1914–1915 гг. М.—Л., 1939). В полной неподготовленности флота к артиллерийскому бою признавался сам Н.О. Эссен (дневниковая запись, приведенная в примечаниях к книге Р. Фирле «Война на Балтийском море». Т. 1. Л., 1926.) «... Теперь приходилось на ходу импровизировать во множестве ранее не рассматривавшихся в штабах, новых боевых задачах. Как писал в 1924 году самый яркий представитель отечественной тактической мысли М.А. Петров, в предвоенное время вся работа тактики уходила преимущественно в решение задач, связанных со свойствами оружия (*Петров М.А.* Морская тактика Балтийского флота. Л., 1924). Прекрасно была обеспечена артиллерийская подготовка одиночного корабля (бой «Новика» на Балтике), появилось искусство бригадной стрельбы («Пантелеймон» в Черном море, против «Гебена»), хорошо налаженным считалось бригадное и полубригадное ведение огня. Всесторонне была освоена практика минных постановок. В остальном же, как В.А. Петров подчеркивал по собственному штабному опыту, повсеместно проявлялось «отсутствие заранее разработанной научной мысли и той работы, которая могла бы быть выполнена заблаговременно до начала войны... Свой вклад в неподготовленность флота к войне внес и Генмор (Генеральный морской штаб. – *В.Ш.*), который отклонил планы активных минных постановок, предлагавшиеся Н.О. Эссенем, и вычеркнул Моонзунд и острова из операционной зоны флота. Доля вины ложилась здесь на перерабатывающего предвоенный план операций А.В. Колчака (Морской журнал, № 28/4, Прага, 1930 г.). Пришлось силы и средства тратить на импровизацию в ходе войны, а для обороны островов спешно, в экстремальных условиях строить далеко не оптимальные батареи в палубных, а не в башенных установках. Свою роль во всех этих просчетах сыграло и предубеждение Н.О. Эссена к штабной работе, которую он, по свидетельству С.Г. Тимирева, часто отождествлял с «канцелярщиной», «почему и терпел ее лишь как неизбежное зло... Соответствующий (негативный. – *В.Ш.*) настрой складывался и в штабе (имеется в виду именно штаб Балтийского флота. – *В.Ш.*), отчего работа в нем шла «бессистемно, нервно,

несогласованно». Иначе и нельзя было справляться с ней при крайней малочисленности штаба. «Работа была живая, спору нет; но очень часто она делалась впустую и не доделывалась» (*Тимирев С.Н.* Воспоминания морского офицера. СПб., 1998.).

Я совсем не хочу опорочить память адмирала Эссена и окружавших его многочисленных талантливых офицеров-балтийцев, однако будем объективны, что в целом и Балтийский, и Черноморский флоты имели приблизительно одинаковый уровень боевой подготовки, так как возглавлялись адмиралами и офицерами, имевшими одинаковый уровень боевого опыта и оперативного мышления. В чем-то и где-то опережали балтийцы, где-то, наоборот, первенствовали черноморцы, что вполне естественно в соревновании двух любых стратегических объединений. Однако принижать реальные успехи Черноморского флота в силу лишь того, что во главе Балтийского находились в то время любимцы нынешних российских историков Н.О. Эссен и А.В. Колчак, по меньшей мере непорядочно.

В книге своих воспоминаний «Флот» А.П. Лукин так описывает отношение черноморских офицеров к своему командующему адмиралу Эбергарду: «Двужильный старик – звали мы его. Высокообразованный моряк, с благородной душой и рыцарским сердцем, старый холостяк, лингвист и, как говорила молва, – женоненавистник. Человек государственного ума и огромного опыта. Флот его любил и почитал. Все глубоко жалели, когда он ушел. С мостика корабля он попал прямо в кресло Государственного совета».

Неплохо лично относился к нему и император Николай, но непрекращающиеся доносы на старого адмирала и бесконечные интриги постепенно делали свое дело.

Что касается флаг-капитана по оперативной части командующего Черноморским флотом, то Кетлинский был известен не только политическими интригами, в которых его обвиняли политические противники, и в первую очередь представитель флота при Ставке контр-адмирал Бубнов. Сегодня историки говорят о Кетлинском не только как о любимце командующего, но и как о незаурядном оперативном работнике, главном разработчике той грамотной стратегии, которой придерживался Черноморский флот в 1914–1916 годы, которая вызвала весьма непонятное, на первый взгляд, неудовольствие Ставки и императора якобы отсутствием активности и наступательности. На самом деле все было как раз наоборот. Именно черноморцы, не гонясь за внешними эффектами, занимались титанической черновой работой, готовя флот после вступления в строй первых дредноутов к решительной борьбе за господство на Черном море, а затем и к грандиозной операции на Босфор, которая должна была ознаменоваться самой ожидаемой в России победой в мировой войне – окончательным решением в ее пользу «Константинопольского вопроса».

Сейчас историки более объективно высказываются по поводу деятельности и командующего Черноморским флотом адмирала Эбергарда и по поводу начальника оперативного отдела флота капитана 1-го ранга Кетлинского. Даже простое сравнение потерь в первый год войны говорит само за себя. Если Черноморский флот потерял всего лишь старый минный заградитель «Прут» и еще более старую канонерскую лодку «Донец» (которую, впрочем, вскоре подняли и ввели в строй), то Балтийский – новейшие корабли: минный заградитель «Енисей» и крейсер «Паллада».

Успехи в 1914 году между соперничавшими флотами были тоже почти равными: и те, и другие взорвали на своих минах по неприятельскому крейсеру. Впрочем, и противник у черноморцев был куда более грозный. Новейший линейный крейсер «Гебен» – это не старые крейсера, которые Германия держала на Балтике против России. Единственное, в чем превосходили балтийцы черноморцев, так это в организации боевых действий в первые часы войны. Если Эссен, не дожидаясь приказа свыше, на свой страх и риск начал ставить минные заграждения в Финском заливе, то Эбергард оказался не на высоте при первом набеге германо-турецких кораблей на черноморские порты. Впрочем, и здесь в большей мере виноват был не сам адмирал, а политики, которые до последнего часа уверяли его в возможности

избежать войны на Черном море, да на наши порты на Балтике никто в первые дни войны не покушался. В остальном никаких фактических претензий у Ставки к Эбергарду не было, а блистательный бой главных сил Черноморского флота против «Гебена» у мыса Сарыч и сегодня считается классическим. Однако всего этого оказалось недостаточно, чтобы противостоять могущественной и амбициозной «партии балтийских младотурок».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.